
Лиссбет Котцова
Отверженная
Жена дракона
Последняя
Свидетельница
18+

Лиссбет Котцова

Отверженная жена дракона. Последняя свидетельница

«Литнет»
2026

Котцова Л.

Отверженная жена дракона. Последняя свидетельница /
Л. Котцова — «Литнет», 2026

Меня отправили в изгнание, но кому-то этого мало. Отверженная жена дракона должна умереть.Я очнулась в теле Ангелы Лессар, которую осудили за покушение на сестру могущественного дракона. Брак расторгнут, имя опозорено, а бывший муж поверил доказательствам её вины.Только убийцы знают секретный маршрут и ищут что-то среди моих вещей. Что могла знать женщина, от которой так старательно избавлялись?За ответами придётся вернуться в столицу. Распутывать старое дело я буду вместе с Рианом Корвелом, властным драконом и бывшим мужем этого тела.Мне нужна его помощь. Но как доверить свою жизнь мужчине, который уже однажды счёл собственную жену преступницей?

© Котцова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой приговор 5
Глава 2. Бывший муж 15
Глава 3. За что меня осудили 29
Глава 4. Условия 42
Глава 5. Шесть доказательств 53
Глава 6. Печать, которая лжет 64
Глава 7. Кто знал дорогу 75
Глава 8. Время не сходится 87
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Глава 1. Чужой приговор

Я проснулась от того, что зубы стукнули друг о друга.

Карету подбросило на очередной рытвине, затылок встретился с деревянной стенкой, и мир на несколько секунд сжался до тупой боли, горького привкуса во рту и тошноты.

Я закрыла глаза.

Не помогло.

Подо мной скрипело жесткое сиденье. Где-то совсем рядом тяжело дышали лошади. Колеса мерно грохотали по дороге, а воздух пах мокрой шерстью, старой кожей и лекарством.

Ничего из этого не должно было находиться рядом со мной.

Я медленно подняла руку.

Тонкие пальцы. Бледная кожа. Узкое запястье.

Рука была моей ровно настолько, насколько моей могла быть вещь, которую кто-то положил мне на колени без спроса.

Я перевернула ладонь.

Потом вторую.

Пошевелила пальцами.

Слушались.

Уже неплохо.

Все остальное было хуже.

На мне было длинное темное платье из плотной ткани, совершенно непригодное ни для офиса, ни для больницы, ни вообще для любого места, которое я могла связать со своей жизнью. Под платьем чувствовалась нижняя сорочка. На ногах вместо привычной обуви были мягкие кожаные ботинки.

Последнее ясное воспоминание принадлежало другому миру.

Электрический свет.

Стекло.

Гладкая поверхность телефона под пальцами.

Шум города за окном.

А теперь меня везли куда-то в деревянной коробке на колесах.

Я провела языком по пересохшим губам.

Паника была бы естественной реакцией.

Бесполезной, но естественной.

Я попробовала сесть ровнее.

Тело немедленно возразило.

Перед глазами потемнело, к горлу подкатила тошнота, мышцы стали ватными. Пришлось вцепиться в край сиденья и переждать.

Больной человек.

Или отравленный.

Мысль пришла спокойно и потому понравилась мне еще меньше.

На внутренней стороне локтя темнел след от недавней иглы или какого-то местного ее аналога. На запястье осталась бледная полоса, будто прежде его что-то натирало.

Я посмотрела на дверь.

Изнутри ручка была.

Она не повернулась.

Заперто снаружи.

Вот теперь ситуация приобрела ясные очертания.

Я находилась неизвестно где, в неизвестном теле, физически ослабленная и запертая в движущейся карете.

Начинать следовало не с вопроса «как это возможно».

Сначала стоило выяснить, кто контролирует дверь.

Я постучала.

Колеса продолжали грохотать.

Постучала еще раз, сильнее.

– Эй.

Снаружи кто-то выругался.

Над дверью открылось небольшое окошко. В нем появилось мужское лицо, обветренное и откровенно недовольное.

– Очнулись.

Не вопрос.

– Как видите.

Мужчина прищурился.

Кажется, мой ответ его удивил.

– Воды можно?

Он исчез.

Я услышала несколько приглушенных слов, разобрала только «леди» и что-то очень похожее на ругательство.

Через минуту дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель протиснулась металлическая фляга.

Я забрала ее.

Мужчина не выпускал ремешок из руки.

Умно.

Я сделала несколько глотков. Вода была теплая, с металлическим привкусом, но осталась внутри.

– Спасибо.

Он снова посмотрел на меня странно.

– Долго еще ехать?

– Достаточно.

– Очень содержательно.

Брови мужчины сошлись.

– Не начинайте, леди Ангела.

Я замерла, удерживая флягу у губ.

Ангела.

Совпадение можно было бы назвать удачным, если бы все остальное не выглядело настолько плохо.

– Куда мы едем?

Теперь насторожился уже он.

– Вы издеваетесь?

– Предпочитаю задавать вопросы.

– После всего?

За его плечом показался другой охранник, старше, с проседью на висках.

– Закрой дверь.

– Она спрашивает, куда ее везут.

Старший коротко посмотрел на меня.

Не зло.

Хуже.

Так смотрят на человека, о котором уже все решили.

– Из Астерна, – сказал он. – К месту, назначенному палатой.

Астерн.

Палата.

Ни одно слово ничего мне не объяснило.

Но я хотя бы получила первое название.

– Какой палатой?

Молодой охранник коротко рассмеялся.

– Может, и приговор забыли?

Старший резко повернул к нему голову.

– Хватит.

Я вернула флягу.

– Возможно.

Они оба посмотрели на меня.

Вот теперь я получила настоящее внимание.

– Что именно возможно? – спросил старший.

Мне потребовалась секунда.

Сказать правду?

«Добрый день, я не знаю, кто вы, где я и почему у меня другое тело» звучало как надежный способ из запертой кареты переместиться в запертую комнату с мягкими стенами. Если в этом мире мягкие стены вообще были предусмотрены.

– Я плохо себя чувствую, – сказала я. Это хотя бы соответствовало действительности. – И хочу понимать, что происходит.

Молодой скривился.

– Очень удобно.

– Для кого?

Он открыл рот.

Закрыл.

Старший снова вмешался:

– Едем дальше.

– Подождите.

Я поставила ладонь на дверь, прежде чем ее успели захлопнуть.

Молодой охранник мгновенно схватился за рукоять меча.

Меча.

Настоящего.

Я убрала руку.

– За что меня осудили?

Тишина продлилась недолго, но успела стать тяжелой.

Молодой побледнел от злости.

– За что?

Старший тихо произнес:

– Не надо.

– Она спрашивает.

Он посмотрел прямо на меня.

– За то, что едва не убили леди Элиру Корвел.

Имя ничего мне не сказало.

Фамилия тоже.

Зато тон сказал достаточно.

– Как?

– Хватит.

Старший захлопнул дверь.

Щелкнул замок.

Я осталась одна.

Несколько секунд смотрела на дерево перед собой.

Итак.

Меня звали Ангелой.

Женщину, в чьем теле я оказалась, тоже звали Ангелой.

Ее осудили за попытку убийства некой Элиры Корвел.

Теперь ее, то есть меня, под охраной вывозили из Астерна по решению какой-то палаты.

Я посмотрела на собственные руки.

Первое желание было простым: решить, что прежняя Ангела невиновна.

Мне это было бы очень удобно.

К сожалению, удобство никогда не являлось доказательством.

Я понятия не имела, что сделала женщина до меня.

Может быть, она действительно пыталась кого-то убить.

Может быть, половина людей снаружи имела причины желать ей медленной и неприятной смерти.

А может быть, нет.

Пока у меня был только один подтвержденный факт.

Я находилась в ее теле.

Все остальное требовало проверки.

Карету опять тряхнуло.

У противоположной стены что-то тихо звякнуло.

Я впервые внимательно осмотрела свое временное помещение.

Кроме двух узких сидений здесь стоял небольшой дорожный короб, стянутый кожаным ремнем, и мягкая сумка. Похоже, осужденной аристократке все же позволили забрать часть вещей.

Замок на коробе отсутствовал.

Я подтянула его к себе.

Внутри лежали две смены одежды, гребень, свернутый платок, маленький кошель и шкатулка.

Никаких писем.

Никаких документов.

Я открыла шкатулку.

Украшений было немного.

Тонкое кольцо.

Серьги.

Цепочка с темным овальным медальоном.

Я взяла его в ладонь.

Необычно тяжелый для своего размера.

На гладкой поверхности едва угадывался незнакомый знак.

Ничего.

Ни вспышки памяти.

Ни голоса умершей хозяйки тела.

Ни удобного магического сообщения: «Если вы это читаете, виновен дворецкий».

Я почти улыбнулась.

Почти.

Медальон почему-то не хотелось возвращать в шкатулку.

Возможно, потому что это была первая вещь здесь, которую я взяла сама.

Я надела цепочку и спрятала украшение под платьем.

Шкатулку вернула обратно.

Следующие несколько минут я слушала.

Четыре лошади или больше.

Несколько всадников.

По голосам рядом постоянно держались минимум двое.

Один раз кто-то проехал вперед и вернулся.

Конвой.

Не просто охрана одной кареты.

Женщина в этом теле явно была не мелкой карманницей.

Я снова постучала.

Окошко открыл старший.

– Теперь что?

– Риан Корвел кто?

На этот раз пауза была другой.

– Вы серьезно?

– Более чем.

Он смотрел на меня так долго, что я начала подозревать: сейчас дверь откроют и первым делом проверят, не ударилась ли я головой.

– Ваш муж, – наконец сказал он.

Я медленно выдохнула.

– Муж?

– Бывший, – зло поправил молодой где-то рядом. – Лорд Корвел от вас отказался.

Старший бросил на него тяжелый взгляд.

Я запомнила формулировку.

Не «умер».

Не «уехал».

Не «вас разлучили».

Отказался.

– После обвинения?

– После доказательств, – отрезал молодой.

Вот и еще одна деталь.

Женщина была замужем за родственником жертвы.

Вероятнее всего, за братом.

И он поверил в ее вину.

Очень семейная история.

– Он родственник Элиры?

Молодой хмыкнул.

– Вы действительно решили разыграть потерю памяти?

– Я решила получить ответы.

– От меня вы их не получите.

– Тогда зачем продолжаете говорить?

Окошко захлопнулось так резко, что я все-таки улыбнулась.

На этот раз получилось.

Ненадолго.

Мне было тридцать семь лет, и за это время я успела усвоить полезное правило: когда человек очень хочет прекратить разговор, причина часто интереснее самого разговора.

Но охранник мог просто меня ненавидеть.

Тоже вариант.

Я прислонилась затылком к стенке и закрыла глаза.

Нужно было определить приоритеты.

Первое: не делать резких движений, пока тело не перестанет вести себя как после тяжелой болезни.

Второе: понять, куда меня везут и какие ограничения ждут в конце дороги.

Третье: выяснить, что произошло с Элирой Корвел.

Четвертое: не рассказывать первому встречному правду о другом мире.

И последнее.

Не оправдываться.

Не сейчас.

Я не собиралась защищать человека, о котором ничего не знала, только потому, что теперь носила ее лицо.

Карета резко дернулась.

Не как на рытвине.

Лошади заржали.

Кто-то снаружи крикнул.

Раздался короткий свист.

Потом удар.

Что-то тяжелое вонзилось в дерево рядом с моей головой.

Я уставилась на выступивший из стенки железный наконечник.

Стрела.

Нет.

Толще.

Арбалетный болт.

– Нападение! – заорал кто-то снаружи.

Карета рванулась вперед.

Меня бросило на пол.

Короб ударился о стену, крышка распахнулась, вещи посыпались под ноги.

Снаружи загрохотали копыта.

Металл ударил о металл.

Раздался крик.

Я вцепилась в край сиденья и заставила себя подняться на колени.

Не к окну.

Первое желание было выглянуть.

Я его подавила.

Тот, кто стрелял по карете, вполне мог рассчитывать именно на это.

Еще один удар.

Дерево треснуло.

Лошади взвизгнули так, что звук прошел по спине холодной полосой.

Карету развернуло.

Потом мир перевернулся.

Плечо ударилось о стену.

Короб полетел следом.

Я успела прикрыть голову руками.

Карета не опрокинулась полностью, но сильно накренилась. Одно колесо, судя по звуку, больше не участвовало в путешествии.

Снаружи ругались и кричали.

Кто-то отдавал команды.

Я различила голос старшего охранника.
Потом короткий вскрик.
И тишину с его стороны.
Плохой знак.
Я попыталась встать.
Ноги дрожали.
Чудесно.
Не хватало только обнаружить, что новое тело падает в обморок от любого неудобства.
Сверху, там, где теперь находилась дверь, заскрежетал замок.
Я отступила в дальний угол.
Может быть, пришла помощь.
Эта мысль прожила примерно две секунды.
– Карету вскрывай! – крикнул незнакомый мужчина.
– Охрана еще держится.
– Мне плевать. Она внутри.
Не «пленница».
Не «леди».
Она.
Я медленно опустилась за накренившееся сиденье.
Снаружи ударили по двери.
Раз.
Другой.
Дерево застонало.
Я огляделась.
Оружия нет.
Короб.
Сумка.
Оторванная металлическая скоба на краю сиденья.
Слишком короткая.
Но лучше, чем голые руки.
Я выдернула ее.
Пальцы едва удерживали металл.
Тело было слишком слабым.
Значит, в открытую драку не вступаем.
Какая неожиданность.
Дверь распахнулась вверх.
В проеме появился мужчина в темной дорожной одежде.
Лицо закрывала ткань.
Он быстро осмотрел салон.
Увидел меня.
– Живая.
Снаружи ответили:
– Тогда заканчивай.
Вот и версия об освобождении окончательно отпала.
Мужчина полез внутрь.
Карета стояла под углом, и ему пришлось опереться одной рукой о край проема.
Я дождалась, пока он перенесет вес.
И резко ударила металлической скобой по пальцам.
Он выругался.

Рука сорвалась.

Я всем телом толкнула тяжелую дверь.

Она хлопнула ему по плечу.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы мужчина потерял равновесие и свалился наружу.

Я не стала смотреть, что с ним произошло.

Сразу поползла к противоположной стороне.

Там оставалось небольшое окно.

Слишком узкое.

В дверь ударили снова.

– Дрянь!

Теперь голос звучал очень близко.

Я схватила сумку.

Не потому, что собиралась спасать чужое имущество.

Если эти люди хотели меня убить, любые вещи могли оказаться единственным ключом к тому, почему.

Ремень зацепился за ножку сиденья.

Я дернула.

Не поддался.

Снаружи что-то лязгнуло.

– Вещи забери! – крикнул другой мужчина. – Бумаги, украшения, все!

Я перестала дергать ремень.

Вот теперь стало по-настоящему интересно.

Убийцам были нужны вещи.

Не только я.

Я бросила сумку.

Пусть ищут.

Медальон лежал под платьем.

Дверь снова распахнулась.

На этот раз мужчина не полез внутрь осторожно.

Он просто прыгнул.

Карета просела под его весом.

В руке блеснул короткий клинок.

Я отступила.

Ему мешало наклоненное сиденье.

Мне тоже.

Но он был крупнее.

Значит, мешало ему сильнее.

Он шагнул вперед.

Я перебросила через проход дорожный короб.

Не в него.

Под ноги.

Мужчина споткнулся, ударился коленом о край, потерял секунду.

Я рванулась к двери.

Он поймал меня за край юбки.

Ткань натянулась.

Я упала на ладони.

Клинок ударил в дерево рядом.

Слишком близко.

Я дернула ногу, но платье держало.
Пришлось развернуться и ударить каблуком куда получилось.
Получилось в лицо.
Мужчина отшатнулся.
Ткань треснула.
Я выскочила наружу.
И сразу поняла, что положение здесь не лучше.
Карета стояла поперек дороги.
Одна лошадь лежала в упряжи.
Еще две метались, хрипя от страха.
На земле я увидела человека в форме охраны.
Не шевелился.
Еще трое дрались у деревьев.
Нападающих было больше.
Гораздо.
Я прижалась к боку кареты.
Бежать в лес?
В этом платье, с этими ногами и после неизвестной болезни?
Мне понадобилось меньше секунды, чтобы отказаться от идеи.
Справа мелькнула темная фигура.
Я увидела раньше охранника, с которым тот собирался столкнуться.
– Сзади!
Охранник пригнулся.
Клинок прошел над его головой.
Он развернулся и успел отбить следующий удар.
Я отступила.
На меня уже смотрели.
Тот мужчина из кареты выбрался наружу. Из носа у него шла кровь.
Кажется, каблук все-таки оказался полезным изобретением.
– Стоять, – бросил он.
Я даже не стала отвечать.
Он двинулся ко мне.
С другой стороны кареты появился еще один.
Отступать было некуда.
Первый обошел сломанное колесо.
Второй держал клинок низко, без театральных взмахов.
Люди, которые умеют убивать, обычно не тратят время на эффектные позы.
Я попятилась.
За спиной была карета.
Мужчина передо мной заметил движение моей руки к груди.
К медальону.
Его взгляд мгновенно изменился.
– Там что?
Ошибка.
Моя.
Я убрала руку.
Поздно.
– Держи ее.
Второй шагнул быстрее.

Я схватилась за край двери и дернула ее на себя.

Дверь ударила первого в плечо, но второй уже оказался рядом.

Его пальцы сомкнулись на моем запястье.

Боль прострелила руку.

Я рванулась.

Без толку.

Он был сильнее.

Значительно.

– Тихо.

Клинок поднялся.

И в этот момент стало темно.

Не как от тучи.

По дороге прошла огромная движущаяся тень.

Мужчина, державший меня, вскинул голову.

Я тоже.

Над верхушками деревьев расправились крылья.

Первое мгновение мозг отказался принимать размер увиденного.

Второе потратил на бессмысленную попытку найти разумное объяснение.

Третьего мне уже не понадобилось.

С неба падал дракон.

Настоящий.

Огромный.

Темный до почти черного, с синим отблеском на раскрытых крыльях.

Воздух ударил в лицо.

Лошади взревели.

Мужчина отпустил мою руку.

Кто-то из нападающих закричал:

– Корвел!

Дракон опустился на дорогу между мной и людьми, которые только что собирались меня убить.

Земля содрогнулась под его лапами.

Я вжалась спиной в разбитую карету и впервые за весь этот безумный день позволила себе одну совершенно бесполезную мысль.

Кажется, с другим миром придется согласиться.

Глава 2. Бывший муж

Дракон ударил первым.

Не огнем.

Воздухом.

Крылья с силой пошли вниз, и поднятая ими волна швырнула пыль, сухие листья и мелкие ветки поперек дороги. Мужчина рядом со мной заслонил лицо рукой. Второй попятился.

Я не стала ждать, пока они вспомнят обо мне.

Оттолкнулась от кареты и нырнула за сломанное колесо.

За спиной что-то тяжелое ударило о землю.

Раздался человеческий крик.

Я обернулась.

Дракон двигался совсем не так, как должно было двигаться существо такого размера.

Быстро.

Слишком быстро.

Темное тело развернулось поперек дороги, отсекая нападавших от леса. Один успел броситься между деревьями, но огромная лапа опустилась перед ним, проломив край дорожной канавы.

Человек резко остановился.

Ошибка.

Дракон ударил боком крыла.

Нападавшего отбросило на несколько шагов.

Другой поднял арбалет.

Я успела подумать, что стрелять в такую махину выглядит не самым разумным решением дня.

Тетива щелкнула.

Болт скользнул по темной чешуе и ушел в сторону.

Дракон повернул голову.

На дороге стало жарко.

Не постепенно.

Еще секунду назад воздух был прохладным, а потом кожу на лице словно поднесли к открытой печи.

Между зубами дракона вспыхнул темно-синий свет.

Стрелок бросил арбалет.

Правильно.

Пламя ударило не в него.

Оно прошло по земле перед ногами нападавших, отрезая путь к лесу ровной полосой обугленной почвы.

Предупреждение.

Похоже, этот дракон предпочитал брать людей живыми.

Если мог.

– На землю! – крикнул кто-то из прибывших.

Со стороны дороги уже неслись всадники.

Только теперь я поняла, что дракон прилетел не один. Его люди просто не могли двигаться с той же скоростью.

Нападавшие тоже поняли.

Двое бросили оружие.

Третий попытался прорваться через огненную полосу.

Пламя уже почти исчезло, но земля под ним провалилась. Мужчина упал, поднялся на одно колено и тут же получил рукоятью меча по затылку от подоспевшего всадника.

Тот, кому я разбила нос, решил иначе.

Он снова увидел меня.

И побежал.

Не от дракона.

Ко мне.

У него все еще был нож.

Я прижалась к разбитой карете и нашарила рукой ту самую металлическую скобу, которую выронила несколько минут назад.

Далеко.

Мужчина приближался.

Пять шагов.

Четыре.

Дракон даже не повернулся полностью.

Хвост прошел низко над землей.

Нападавшего смело в сторону.

Он ударился о колесо второй повозки и больше не поднялся.

Я медленно выдохнула.

Нет.

С таким существом я точно не собиралась выяснять отношения.

Особенно если это был Корвел.

Вокруг уже действовали люди в одинаковых темных плащах. Одни обезоруживали оставшихся нападавших, другие бросились к раненым охранникам.

Дракон стоял посреди дороги.

Темный.

Огромный.

Неподвижный.

Только голова медленно поворачивалась, отслеживая происходящее.

И всякий раз, когда его взгляд проходил по людям, те начинали двигаться немного быстрее.

Никаких приказов для этого не требовалось.

Кто-то подошел к нему.

– Лорд Корвел, дорога чиста.

Вот и ответ.

Я посмотрела на дракона внимательнее.

Мой бывший муж.

Точнее, бывший муж мертвой женщины, чье тело я теперь носила.

Становилось только лучше.

Дракон повернул голову ко мне.

На этот раз я точно поняла, куда он смотрит.

Не на карету.

Не на тела.

На меня.

Я не отвела глаз.

Не из храбрости.

Просто хотелось увидеть, что он сделает.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом по темной чешуе пробежал синий свет.

Я отступила на полшага.

Воздух вокруг дракона исказился от жара. Огромный силуэт будто сжался внутрь самого себя. Крылья исчезли первыми, затем изменилась линия спины, ноги, голова.

Никаких костей, вывернутых наружу.

Никакого зрелища, которое хотелось бы забыть.

Только плотный темный огонь на мгновение закрыл фигуру целиком.

Когда он погас, на дороге стоял мужчина.

Одетый.

Спасибо местной магии хотя бы за это.

Он не спешил ко мне.

Сначала повернулся к людям.

– Раненых к целителю. Тех, кто может говорить, разделить. Тела обыскать. Лошадей собрать.

Негромко.

Никто не переспросил.

– Дорогу перекрыть в обе стороны.

– Уже, лорд Корвел.

– Не уже. Проверить еще раз.

Человек кивнул и ушел.

Риан посмотрел на разбитую карету.

Потом на меня.

Первое, что я заметила в человеческом облике, было не лицо.

Неподвижность.

Вокруг все бегали, кричали, перевязывали раненых, тащили оружие, успокаивали лошадей.

Он стоял посреди этого беспорядка так, словно хаос существовал отдельно и рано или поздно обязан был подчиниться.

Второе – руки.

Пустые.

Оружия он не держал.

Но почему-то именно рядом с безоружным Рианом мне сильнее всего хотелось помнить, где находится ближайший выход.

Он подошел.

Остановился в нескольких шагах.

Взгляд прошел по порванному платью, испачканным ладоням, синяку на запястье.

Задержался на лице.

– Ангела.

Ни удивления.

Ни приветствия.

Просто имя.

Я не знала, каким должен был быть правильный ответ бывшему мужу женщины, которую он помог отправить в изгнание.

Поэтому выбрала практичный.

– Если вы пришли раньше, чем они успели меня убить, то да.

Один из людей рядом едва заметно повернул голову.

Риан не отреагировал.

Только посмотрел внимательнее.

– Где вы ранены?

– Пока нигде критично.

– Я спросил не это.

– А я пока не знаю. Плечо болит. Запястье тоже. Голова после кареты возражает против резких движений.

Он сделал шаг ко мне.

Я автоматически напряглась.

Риан остановился.

Совсем небольшая пауза.

Но я ее заметила.

– Целитель вас осмотрит.

– Когда закончит с теми, кому хуже.

– Сейчас.

– У людей кровь.

– И вы только что были целью нападения.

– Это не делает мой ушиб важнее чужой раны.

Его взгляд изменился.

Не стал мягче.

Скорее точнее.

– Вы ударились головой?

– Уже дважды. Первый раз еще до нападения.

– Это многое объяснило бы.

Я посмотрела на него.

– Боюсь, вам придется сформулировать точнее.

– Позже.

Он повернулся к одному из людей:

– Целителя.

– Риан.

Имя вырвалось раньше, чем я успела решить, имею ли право так к нему обращаться.

Он замер.

Несколько человек вокруг тоже.

Интересно.

Прежняя Ангела называла его иначе?

Титулом?

«Муж»?

Лучше было пока не проверять.

– Сначала ответьте на один вопрос.

– Нет.

Очень содержательно.

– Тогда на два.

На этот раз один уголок его рта едва заметно изменился.

Не улыбка.

Скорее признание факта, что я его услышала и все равно продолжила.

– Вас едва не убили.

– Поэтому я и спрашиваю.

– Сначала осмотр.

– Кто знал маршрут?

Тишина вокруг словно стала немного плотнее.

Риан ничего не сказал.

Я продолжила:

– Они пришли не случайно. Не грабить. Не освобождать. Они знали, в какой карете я еду, и сразу пошли к ней.

– Я видел.

– Тогда кто знал дорогу?

– Ангела.

– Это мое имя. Ответа в нем нет.

Теперь он действительно уставился на меня.

Мне начало казаться, что я нарушаю какие-то правила, о существовании которых пока даже не подозреваю.

Придется привыкать.

– Вы должны лечь.

– Я уже лежала. Несколько раз. Не понравилось.

Он перевел взгляд на мои руки.

– Вы всегда отвечаете вопросом на распоряжение?

Опасная формулировка.

Потому что я не знала, как отвечала прежняя женщина.

– Сегодня да.

В его лице опять мелькнуло что-то трудноуловимое.

Подозрение.

Вот это я узнала.

С ним приходилось сталкиваться достаточно часто и в своем мире.

Не со стороны бывших мужей, конечно.

Но принцип не менялся.

Риан видел перед собой знакомую женщину и получал незнакомое поведение.

Плохое сочетание.

Особенно для человека, который привык замечать угрозы.

К нам подошел мужчина с кожаным футляром в руках.

– Лорд Корвел.

– Осмотрите ее.

Целитель взглянул на меня.

Слишком быстро опустил глаза.

Он меня знал.

И, судя по лицу, не испытывал восторга.

Прекрасно.

Очередной человек с уже готовым мнением.

– Здесь? – спросил он.

– Здесь.

Мне указали на перевернутый дорожный ящик.

Я села.

Риан не ушел.

Целитель осторожно проверил затылок, плечо, запястье. Задал несколько вопросов о тошноте и зрении.

На вопрос, теряла ли я сознание, пришлось ответить:

– До нападения?

Он нахмурился.

– Сегодня.

– Тогда не уверена.

Рука целителя остановилась.

Риан тоже услышал.

– Что значит «не уверены»? – спросил он.
– Значит, когда я пришла в себя в карете, она уже ехала.
– Вы спали.
– Возможно.
– Вам давали успокаивающее.
Вот это было полезно.
– Кто?
Целитель бросил быстрый взгляд на Риана.
Не лучший знак.
– Перед отправлением, – сказал он. – По назначению тюремного лекаря.
Я запомнила.
Не потому, что уже подозревала лекаря.
Потому что сейчас я записывала мысленно все.
Это было единственное имущество, которое у меня точно не могли отобрать.
Целитель закончил осмотр.
– Переломов нет. Сильные ушибы. Истощение. Пульс слабее нормы. Ей нужен покой.
– Слышали? – спросил Риан.
– Да. Последнее слово особенно.
– Вы останетесь под наблюдением.
– Если переживу вашу заботу.
Целитель сделал вид, что очень занят футляром.
Риан посмотрел на меня без всякого выражения.
– Еще вопросы?
– Один.
– Вы уже задавали.
– Я не получила ответа.
Он повернулся к дороге.
– Маршрут знали люди, которым полагалось его знать.
– Замечательно.
– Это закрытая информация.
– Еще лучше.
Риан медленно вернул ко мне взгляд.
– Почему?
– Потому что случайный разбойник не мог ждать нас именно здесь.
– Это очевидно.
– Тогда мы наконец в чем-то согласны.
– Мы?
– Вы, я и люди, которые знали маршрут.
Теперь выражение его лица стало совсем холодным.
– Осторожнее.
– С чем?
– С обвинениями.
– Я никого не обвиняла. Я сказала, что информация откуда-то вышла. Это разные вещи.
Он молчал.
– Сколько людей знали?
– Достаточно мало.
– Десять?
– Ангела.
– Пятьдесят?

– Я не обсуждаю внутренние сведения моего рода посреди дороги.

Вот теперь прозвучало полезно.

Его рода.

Не только государственные чиновники.

Я кивнула.

– Хорошо.

Он явно ожидал продолжения.

Я его не дала.

Пока.

К нам подошел один из людей с завернутым в ткань предметом.

– Лорд Корвел.

Риан протянул руку.

На его ладонь лег небольшой металлический знак.

Ничего особенного на вид. Потемневший круг с неглубокой насечкой по краю.

– У кого? – спросил Риан.

– У того, что лежал у второй повозки. Во внутреннем кармане.

– Еще?

– Монеты. Никаких гербов. Оружие без клейма мастерской.

Риан перевернул металлический круг.

– Платежная метка?

– Похоже. Но знак посредника мне незнаком.

– Снять копию. Оригинал запечатать.

Человек ушел.

Я посмотрела ему вслед.

– Что такое платежная метка?

– Не ваша забота.

– Меня только что пытались убить люди, которым, возможно, заплатили через нее.

– Именно поэтому она моя забота.

– Какая удобная система.

Риан ничего не ответил.

– Это подтверждает, что они были наемниками?

– Нет.

– Но предполагает.

– Да.

Первое прямое «да», которое я от него получила.

Уже достижение.

– Профессионалы?

– Несколько человек точно.

– По чему вы это определили?

– По тому, как они выбрали место. По оружию. По порядку атаки. По тому, кого пытались убрать первым.

Я посмотрела на лежащего у обочины старшего охранника.

Того самого, который дал мне воду.

Люди целителя работали рядом с ним.

Жив.

Я заметила движение груди.

Напряжение в плечах немного отпустило.

– И по тому, что они не стали грабить остальных, – добавил Риан.

Я посмотрела на него.

– Вот об этом я и хотела сказать.
– Что?
– Им были нужны мои вещи.
Он замолчал.
– Объясните.
Я рассказала коротко.
Про приказ забрать бумаги и украшения.
Про сумку.
Про мужчину, который заметил движение моей руки к груди.
Риан слушал, не перебивая.
Его взгляд опустился к вороту моего платья.
Под тканью лежал медальон.
Я машинально накрыла его ладонью.
И сразу пожалела.
Во второй раз за день.
– Что у вас там?
Те же слова.
Только произнесенные совершенно другим голосом.
Я убрала руку.
– Медальон.
– Какой?
– Фамильный, полагаю.
– Покажите.
Я не двинулась.
– Зачем?
– Ангела.
– Это снова мое имя.
– Я помню.
– Тогда попробуйте ответить.
Он вытянул руку.
Не приблизился.
Просто раскрыл ладонь.
– Если убийцы заметили украшение и изменили поведение, я хочу его осмотреть.
Разумно.
Мне это не понравилось именно поэтому.
Я достала медальон из-под платья.
Риан посмотрел на него и сразу узнал.
– Лессар.
– Моя семья?
– Ваш род.
Небольшая разница в формулировке.
Я отметила ее.
– В нем что-то есть?
– Обычный фамильный медальон.
– Вы уверены?
– До сегодняшнего дня был.
Хороший ответ.
Я расстегнула цепочку и положила медальон ему на ладонь.
Риан перевернул его.

Провел пальцем по краю.

Никакого света, магии или внезапных откровений не появилось.

– Следов вскрытия нет.

– Это можно определить так?

– Иногда.

Он вернул украшение.

Не попытался оставить.

Еще один факт.

– Убийцы могли искать не его, – сказал Риан.

– Могли.

– Вы слишком быстро согласились.

– Потому что это правда.

– Но?

– Но они искали что-то.

Я посмотрела на разбитую карету.

Наши вещи уже выносили наружу и раскладывали на плаще.

Одежда была перевернута.

Шкатулка открыта.

Сумка разрезана.

– Если им просто нужно было меня убить, копаться в белье довольно бессмысленно.

Риан проследил за моим взглядом.

– Вы уверены, что это сделали они, а не охрана после нападения?

Хороший вопрос.

– Шкатулка была закрыта, когда я ее открывала до нападения. Потом я сама вернула ее в короб.

– Вы открывали вещи во время этапирования?

– Мне было скучно.

– Вы никогда не трогали дорожные сундуки сами.

Я посмотрела на него.

Вот оно.

Нечаянно сказанное знание о прежней Ангеле.

– Сегодня трогала.

– Я вижу.

Он снова изучал меня.

Не платье.

Не ушибы.

Меня.

– Что?

– Вы изменились.

Прямо.

Без подготовки.

Я не позволила себе отвести взгляд.

– После покушения на жизнь люди иногда меняются.

– На вас напали меньше часа назад.

– День выдался насыщенный.

– Я говорю не об этом.

Вот теперь стало опаснее, чем рядом с ножом.

С ножом хотя бы было понятно, чего хочет человек.

Я поднялась с ящика.

Слишком быстро.

Земля поплыла.

Пришлось схватиться за край кареты.

Риан двинулся ко мне.

Я подняла ладонь.

– Не надо.

Он остановился.

Снова.

Я дождалась, пока дорога перестанет качаться.

– Вот теперь целитель может считать себя правым, – сказала я.

Риан не поддержал попытку перевести разговор.

– Что вы помните?

Очень мало.

Слишком мало.

И ответ «другой мир» пока ничего мне не даст.

Кроме вопросов, на которые у меня самой нет ответов.

– Достаточно, чтобы понимать: люди с ножами мне не друзья.

– Ангела.

– А чего вы хотите услышать?

– Правду.

Я почти усмехнулась.

– Судя по тому, что мне уже успели рассказать, с ней у нас обоих были сложности.

Его лицо застыло.

Попала.

Пока не знаю куда, но попала.

Риан сделал вдох.

Медленный.

– Вы действительно не собираетесь оправдываться?

– В чем?

– Вы знаете.

– Нет. Именно этого я и не знаю.

Он смотрел на меня несколько секунд.

– Вы утверждаете, что ничего не помните?

– Я утверждаю, что сейчас не собираюсь обсуждать с вами мою память посреди дороги.

Его собственные слова.

Он понял.

– Удобно.

– Мне сегодня уже это говорили.

– И?

– Удобства я пока не заметила.

Где-то рядом застонал раненый.

Риан сразу повернул голову.

Одного из его людей переносили на импровизированных носилках.

Он подошел, коротко поговорил с целителем, сам помог поднять край носилок, пока освобождали проход.

Никто вокруг не суетился возле него.

Не пытался показать усердие.

Они просто выполняли свои задачи.

И он замечал их.

Кого несли первым.

Сколько осталось лошадей.

Кто охранял связанных нападавших.

Кому не хватало перевязочного материала.

Власть выглядела не как титул.

Она выглядела как количество вещей, которые человек считал своей ответственностью.

Это мне было понятнее.

И неудобнее.

Проще было бы, окажись бывший муж самодовольным идиотом.

Я могла бы спокойно его ненавидеть.

Риан вернулся минут через десять.

К этому времени возле дороги уже появился временный лагерь. Раненых уложили под растянутым между деревьями полотном. Связанных нападавших рассадили далеко друг от друга. Вещи из моей кареты собрали отдельно.

Я стояла рядом с ними.

– Чего не хватает? – спросил Риан.

Я посмотрела на него.

– Откуда мне знать?

Он замер.

Опять.

Черт.

– Вы сами собирали вещи перед отправлением.

– Возможно, мне сейчас не до описи.

– Возможно.

Он присел перед разложенными предметами.

Взял разрезанную сумку.

– Бумаги?

– Я их не видела.

– Ни одного документа?

– Нет.

Риан поднялся.

– Украшения?

Я показала на шкатулку.

– Что было внутри, то и осталось.

– Вы уверены?

– Я видела кольцо, серьги и этот медальон.

– Больше ничего?

– Нет.

Его взгляд опять стал слишком внимательным.

– Вы помните содержимое коробки, но не помните, что сами туда положили.

Вот поэтому умные люди иногда очень неудобны.

– Я открывала ее сегодня.

– Зачем?

– Уже отвечала.

– Скучно?

– Очень.

Он выпрямился.

– Вы плохо лжете.

– А вы слишком быстро решаете, что человек лжет.

Тишина.

Несколько людей вокруг вдруг оказались очень заняты своими делами.

Я поняла, что сказала.

И поняла, что назад не заберу.

Риан смотрел на меня спокойно.

Именно так, как в источниках мира предупреждали бы описывать опасного человека, если бы у меня были источники.

Без крика.

Без угрозы.

– Повторите.

– Не вижу смысла. Вы прекрасно слышали.

– Вы считаете, я ошибся?

– Я пока ничего не считаю.

– Но говорите именно об этом.

– Я говорю о привычке принимать вывод раньше, чем закончились вопросы.

В его лице ничего не изменилось.

Только голос стал еще тише.

– Вы не знаете, какие вопросы были заданы.

– Верно.

– Не знаете доказательств.

– Верно.

– Не помните собственного суда.

– Тоже верно.

– И все же делаете вывод.

– Нет.

Я покачала головой.

– Я задаю вопрос.

Он ждал.

– Если доказательства против меня были настолько убедительны, почему человеку, который организовал сегодняшний налет, оказалось недостаточно моего приговора?

Риан не ответил.

Я продолжила:

– Я лишена положения?

– Да.

– Брак расторгнут?

Едва заметная пауза.

– Да.

– Меня вывозили из столицы под охраной?

– Да.

– Значит, политически и социально прежняя Ангела уже проиграла.

Он никак не отреагировал на то, что я назвала себя в третьем лице.

Или отреагировал, но я не заметила.

– Тогда зачем тратить людей, деньги и риск на убийство женщины, которая уже ничего не контролирует?

– Месть.

– Тогда зачем искать вещи?

Молчание.

– Ограбление, – сказал он.

– Тогда почему не забрали деньги у убитых охранников?

Риан посмотрел на тела.

– Они спешили.

– Тогда почему один полез именно к моему медальону, когда мог просто перерезать мне горло?

Он снова ничего не сказал.

Я кивнула.

– Вот теперь у нас есть вопрос.

– У нас?

– Меня пытаются убить. Ваш закрытый маршрут оказался известен убийцам. Думаю, местоимение подходит.

Риан медленно прошел взглядом по дороге, по пленным, по разбитой карете.

Потом снова посмотрел на меня.

– Вы не поедете дальше.

Это уже звучало как решение.

– Куда?

– В место изгнания.

– Очень обнадеживает. А куда поеду?

– В Астерн.

Я несколько секунд просто смотрела на него.

– С вами?

– Под моей охраной.

– Это не ответ.

– Со мной.

Вот теперь бывший муж действительно вошел в мою новую жизнь.

Я посмотрела на его людей.

На связанных убийц.

На медальон у себя в руке.

На дорогу, по которой меня совсем недавно везли подальше от столицы.

– Я вернусь для расследования нападения?

– Вы вернетесь, потому что оставлять вас на дороге после этого невозможно.

– Для вас, может быть.

– Ангела.

– Лорд Корвел.

Первое употребление титула явно не доставило ему удовольствия.

Хорошо.

Мне тоже.

– Наш брак расторгнут? – спросила я.

– Я уже ответил.

– Ответьте еще раз.

Он понял, что именно я спрашиваю.

В этот раз пауза была длиннее.

– Расторгнут.

– Полностью?

– Полностью.

– Значит, возвращение в Астерн с вами не означает возвращения к вам.

Рядом кто-то перестал застегивать седельную сумку.

Риан даже не посмотрел в его сторону.

Только на меня.

– Нет.

Одно слово.

Без раздражения.

Без попытки напомнить о прошлом.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Теперь условия хотя бы понятны.

– Это не переговоры.

Я посмотрела на разбитую карету.

Потом на людей, собиравших тела.

Потом снова на него.

– Пока не переговоры.

Кажется, эта мысль ему не понравилась.

Мне стало немного легче.

Не потому, что я начала доверять Риану Корвелу.

До доверия нам было примерно как до моего прежнего мира.

Но теперь я знала две вещи.

Кто-то заплатил профессионалам за мою смерть.

И человек, однажды поверивший в мою вину, только что решил вернуть меня туда, где все началось.

Глава 3. За что меня осудили

До Астерна мы поехали уже в другой карете.

Не тюремной.

Разница оказалась не такой впечатляющей, как могла бы показаться.

Здесь были мягкие сиденья, целые окна и дверь, которая открывалась изнутри. Зато напротив меня сидел Риан Корвел, и почему-то именно это обстоятельство сильнее всего напоминало, что свободу мне пока никто не вернул.

За окном медленно темнело.

После нападения дорогу расчистили быстро. Раненых отправили вперед под охраной, выживших нападавших разделили и увезли отдельно. Мне снова предложили лекарство.

Я отказалась.

Целитель был недоволен.

Риан тоже.

В результате мы сошлись на воде и каком-то горьком настое, состав которого мне объяснили достаточно подробно, чтобы я согласилась его выпить.

Теперь плечо ныло терпимо, голова почти перестала кружиться, а самое главное, у меня появился человек, который знал ответы.

Оставалось заставить его разговаривать.

Риан сидел напротив, слегка повернувшись к окну.

Он успел сменить одежду после превращения. Темная рубашка, длинный дорожный камзол, никаких украшений, кроме узкой печати на правой руке.

В первой главе моей новой жизни он появился драконом.

Во второй выяснилось, что человек немногим менее неудобен.

Я подождала минут пять.

Он не заговорил.

Еще пять.

Тоже ничего.

Похоже, молчание Риан мог использовать как рабочий инструмент.

– Элира ваша сестра?

Он перевел взгляд от окна ко мне.

– Да.

– Младшая?

– Да.

– Она жива?

На этот раз пауза оказалась почти незаметной.

– Жива.

Я не знала, почему именно этот ответ позволил мне выдохнуть свободнее.

Я не была виновата в ее отравлении.

Но женщина, в чьем теле сидела сейчас, могла быть.

Пока я этого не знала, смерть Элиры сделала бы положение еще хуже.

– Насколько серьезно она пострадала?

– Очень.

Коротко.

Я ждала.

Риан понял.

– Несколько дней целители не могли сказать, выживет ли она. Поражение ядра было сильным. После этого она почти месяц не вставала без помощи.

Я запомнила незнакомое слово.

– Ядра?

– Ядра пламени.

Он посмотрел на мое лицо.

– Вы и это забыли?

– Я задаю вопросы о том, что мне сейчас важно.

– Это не ответ.

– Вы уже заметили закономерность.

Его губы чуть сжались.

– У драконов есть магический центр, связанный с превращением и силой. Пепельная соль повреждает его.

– Пепельная соль и была ядом?

– Да.

Наконец конкретика.

– Что это?

– Запрещенный алхимический состав.

– Я спрашиваю не юридический статус.

– Я понял.

– Тогда зачем отвечаете им?

– Потому что пытаюсь определить, насколько далеко заходит ваша предполагаемая потеря памяти.

Я посмотрела на него.

– А я пытаюсь определить, за что меня осудили. Может, сначала закончим с моей задачей?

– Вы всегда были настойчивы.

– Похоже, не всегда достаточно.

Фраза вышла жестче, чем я собиралась.

Риан не отвел глаз.

Я тоже.

Несколько секунд карета ехала под размеренный стук колес.

– Пепельная соль, – наконец продолжил он, – особенно опасна для драконов. В небольшой дозе вызывает резкое ослабление магии. В большей может лишить способности к превращению. Еще большее количество убивает.

– Элире дали смертельную дозу?

– По мнению целителей, да.

– Но она выжила.

– Главный целитель Корвелов начал стабилизацию ядра до того, как определил яд.

Это уже звучало не как чудо.

Просто человек оказался хорош в своей работе.

Мне нравились такие объяснения.

– Как ей дали яд?

– В напитке во время приема.

– Кто приготовил напиток?

– Обслуживание.

– Очень конкретно.

– Следствие проверяло всех, кто имел доступ.

– И нашло меня.

– Не только вас.

– Но осудили меня.

Он снова замолчал.

Я сложила руки на коленях.

– Давайте проще. Если бы вы сейчас объясняли дело человеку, который ничего о нем не знает, что бы вы назвали первым доказательством?

– Яд нашли среди ваших вещей.

Вот так.

Без смягчения.

Я ожидала услышать это еще с дороги, но все равно неприятное ощущение появилось где-то под ребрами.

– Где именно?

– В ваших комнатах.

– Открыто?

– Нет.

– Тогда где?

– В небольшой коробке среди личных принадлежностей.

– Кто нашел?

– Люди Палаты безопасности во время официального обыска.

– После отравления?

– Через несколько часов.

Я кивнула.

– Сколько?

– Достаточно, чтобы подтвердить происхождение вещества.

– Не ответ.

Его взгляд стал тяжелее.

– Ангела.

– Вы хотите, чтобы я поняла, почему все решили, что женщина в этом теле виновна. Значит, мне нужны факты.

Он смотрел на меня еще пару секунд.

– Небольшое количество. Не полная доза.

Это было важно.

– То есть остаток.

– Да.

– Его могли подбросить?

– Теоретически можно подбросить что угодно.

– Теоретически можно и человека отравить.

Риан не отреагировал.

– Следующее доказательство?

– Разрешение на получение одного из контролируемых компонентов.

– Подписанное мной?

– С вашей личной печатью.

– Печать нельзя подделать?

– Можно.

Ответ пришел сразу.

Я чуть приподняла брови.

– И это никого не остановило?

– Потому что печать была не единственным доказательством.

Вот оно.

Фраза, которая потом еще не раз должна была иметь значение.

Но сейчас я этого не знала.

Сейчас я только услышала человека, который до сих пор считал свою логику последовательной.

– Кто проверял печать?

– Специалисты Палаты.

– Независимые?

Риан нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

– Человек, который расследует преступление, и человек, который подтверждает подлинность ключевого доказательства, подчиняются одной структуре?

– Да.

– Тогда это не независимая проверка.

– Палата является государственным следственным органом.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Они не имели причины подделывать заключение.

– А я не говорю, что подделывали.

Я чуть подалась вперед.

– Я спрашиваю, проверял ли кто-нибудь вывод со стороны.

– Нет.

Первое настоящее «нет».

Я вернулась к спинке сиденья.

– Хорошо. Дальше.

– Вас видели около помещения, где готовили напитки.

– До отравления?

– Незадолго.

– Кто?

– Служанка.

– Имя?

– Марта Нейл.

Я запомнила.

– Она видела, как я трогала напиток Элиры?

– Нет.

– Входила в помещение?

Риан посмотрел на меня.

– По ее словам, вы выходили оттуда.

– По ее словам или в протоколе?

Тишина.

Вот теперь я почувствовала, как он по-настоящему сосредоточился.

– Почему вы спрашиваете именно так?

– Потому что это разные вещи.

– Она подписала показания.

– Я тоже много чего подписывала в своей жизни. Иногда человек подписывает текст, написанный другим человеком, если считает, что общий смысл передан правильно.

Он чуть сузил глаза.

– Вы помните это, но не знаете, что такое ядро пламени.

Опасная территория.

Я не могла постоянно отвечать уклончиво и надеяться, что он перестанет замечать противоречия.

Но раскрывать все сейчас было рано.

Я сама еще не понимала, как именно сюда попала.

– Я помню способы, которыми люди работают с документами.
– Зато забыли собственный суд.
– Похоже на то.
– Очень выборочная потеря памяти.
– Можете внести ее в список проблем после попытки убийства.
Он ничего не сказал.
Я вернулась к делу.
– Марта была единственным свидетелем?
– Единственным, кто видел вас непосредственно возле помещения.
– Дальше.
– За несколько дней до приема вы поссорились с Элирой.
Вот здесь его голос изменился.
Совсем немного.
Но теперь он говорил не только о доказательстве.
О сестре.
– Из-за чего?
– Ее предстоящего объявления.
– Какого?
– Это не имеет значения сейчас.
– Если из этого сделали мотив, имеет.
Челюсть Риана напряглась.
– Вы требовали, чтобы она отказалась от решения.
– Какого решения?
– Объявить о предстоящем браке.
Я замолчала.
Политический брак?
Похоже.
Судя по тому, как он избегал деталей, там находилось что-то большее.
Но пока это можно было оставить.
– И что я сказала?
– Что этот союз ее погубит.
Я медленно провела большим пальцем по краю ногтя.
Фраза действительно звучала плохо.
Особенно если через несколько дней человек едва не умер.
– Кто слышал?
– Несколько человек.
– То есть ссора была публичной?
– Часть разговора.
– А почему я была против?
– Вы утверждали, что у вас есть сомнения.
– Какие?
– Вы не объяснили.
– Совсем?
– Ничего, что можно было проверить.
Интересно.
– И следствие решило, что причиной была личная неприязнь?
– Среди прочего.
– Какая именно?
Риан отвернулся к окну.

– Вы были недовольны положением Элиры.

Я не сразу поняла.

– Почему?

Он посмотрел обратно.

– Потому что ее будущий союз усиливал ее положение в роду.

– А мое ослаблял?

– Так считало следствие.

– А вы?

– Я считал, что вы были недовольны.

Не то же самое.

– Я была вашей женой. Как брак вашей сестры мог угрожать моему положению?

– Вы воспринимали многое иначе, чем сейчас.

Снова прежняя Ангела.

Женщина, которую он знал и я не знала вообще.

– Что еще?

– Есть письмо.

– Мое?

– Да.

– Что в нем?

– Вы писали одному из людей своего рода, что после объявления Элиры положение Лессаров станет еще слабее и что вы «не позволите всему закончиться так».

Я медленно вдохнула.

– Цитата?

– Да.

– А весь текст?

– Я его помню не дословно.

– Удобно.

Он резко взглянул на меня.

– Осторожнее.

– Я не обвиняю вас во лжи. Я хочу увидеть письмо целиком.

– Увидите.

Первое обещание доступа.

Пусть небольшое.

– Что еще?

– На одном из ваших украшений нашли след пепельной соли.

Моя рука почти потянулась к медальону.

Я остановила движение.

– На медальоне?

– Нет.

– На чем?

– На браслете.

– Его нашли среди моих вещей?

– На вас.

Неприятно.

– Насколько точен такой след?

– Это вопрос к специалисту.

Хорошо.

Он хотя бы не изображал эксперта там, где им не был.

– И все?

– Вам мало?

– Я пытаюсь понять картину.

– Тогда картина была следующей.

Риан чуть наклонился вперед.

Его голос оставался спокойным.

– У вас был конфликт с Элирой. Вы публично сказали, что ее союз ее погубит. Вас видели у помещения, где готовили напитки. У вас нашли запрещенное вещество. Существовал документ с вашей личной печатью на получение компонента. На вашем браслете обнаружили его магический след. Ваша переписка подтверждала, что вы считали решение Элиры угрозой для положения своего рода.

Он сделал короткую паузу.

– И Элира едва не умерла.

Вот теперь картина действительно складывалась.

Слишком хорошо.

Если бы мне дали это дело в моем мире, не сообщив, что женщина невиновна, я бы тоже начала с нее.

Не закончила бы на ней.

Но начала.

Я посмотрела на Риана.

– Вы верили, что я сама добавила яд?

– Следствие не смогло доказать, что именно вы физически подмешали его в напиток.

– Но доказало участие?

– Так решила Верховная палата.

– А вы?

– Я согласился с решением.

Никаких попыток смягчить.

Никаких «меня заставили».

Почему-то это раздражало меньше, чем оправдание.

– Почему меня не казнили?

– Потому что не удалось доказать намерение убить и непосредственное исполнение.

– Но для развода хватило.

Его лицо стало жестче.

– Да.

– И для изгнания.

– Да.

– И вы даже не сомневались?

На этот раз молчание длилось дольше.

Колеса кареты стучали по дороге.

За окном уже появились первые огни.

Астерн приближался.

– Сомнение не отменяет решение, – сказал Риан.

Фраза прозвучала так спокойно, что я почти услышала за ней годы привычки.

– Удобная система.

– Когда отвечаешь не только за себя, иногда приходится принимать решение до того, как исчезнут все сомнения.

– А потом?

– Что потом?

– После решения вы еще проверяете, не ошиблись ли?

Его взгляд стал холоднее.

– Вы хотите обсудить мою работу или собственное дело?

– Ваше решение было частью моего дела.

Он не ответил.

Я продолжила:

– Я не утверждаю, что вы должны были посмотреть на шесть доказательств и решить, что все вокруг сговорились.

– Хорошо.

– Я спрашиваю другое. Что было сделано после того, как они сложились в удобную картину?

– Удобную?

– Да.

– Моя сестра чуть не погибла.

– Я знаю.

Ирония исчезла сама.

– Поэтому я и спрашиваю серьезно.

Он смотрел на меня.

Я не отвела глаз.

– Что проверяли против версии моей вины?

– Несколько альтернативных линий.

– Какие?

– Людей обслуживания. Поставщиков. Персонал дома. Политических противников.

– И?

– Ничего, что объяснило бы всю совокупность доказательств.

– Значит, вернулись ко мне.

– Да.

– Кто руководил расследованием?

Пауза.

– Дейр Вальт. Старший следователь Королевской палаты безопасности.

Первое имя.

Я положила его в память отдельно.

– Вы ему доверяли?

– Его службе.

– Это опять не одно и то же.

– Для вас, похоже, вообще ничего не является одним и тем же.

– Обычно именно там и начинаются проблемы.

Риан чуть отвернулся.

Я не знала, было ли это раздражение или желание закончить разговор.

Пока не имело значения.

– Последний вопрос.

– Вы уже говорили это сегодня.

– Оптимистично надеюсь, что когда-нибудь окажусь права.

Он коротко выдохнул через нос.

Почти смех.

Почти.

– Спрашивайте.

– Вы лично верили, что ваша жена пыталась убить вашу сестру?

На этот раз он не ответил сразу.

За окном первые дома сменялись улицами.

Карета замедлялась.

Я видела каменные фасады, фонари с ровным светом, экипажи, людей у лавок. После дороги город казался слишком плотным.

Но я продолжала смотреть на Риана.

– Да, – сказал он.

Одно слово.

Без оправдания.

– Насколько?

Его брови чуть сошлись.

– Что значит «насколько»?

– Вы считали, что это доказанный факт? Или выбрали наиболее вероятную версию?

– На момент приговора я считал вашу причастность доказанной.

Вот и ответ.

Я откинулась на спинку.

Внутри не возникло красивой волны ненависти.

Жаль.

С ней было бы проще.

Передо мной сидел не самодур, который выгнал жену из-за слуха.

Он видел яд.

Печать.

Свидетельство.

След вещества.

Реальную ссору.

Письмо.

И едва живую сестру.

Проблема была не в том, что у него не было причин поверить.

Проблема была в том, что кто-то очень постарался эти причины ему дать.

Карета свернула.

– Куда мы едем?

– В столичный дом Корвелов.

– У меня здесь есть собственный дом?

– Формально имущество Лессаров в Астерне сейчас находится под ограничением до исполнения решения палаты.

Еще один подарок прежней жизни.

– То есть нет.

– Сейчас нет.

– Род Лессар?

– Вы хотите к ним?

Вопрос прозвучал так, что я насторожилась.

– Это не ответ.

– Они не предложили вам убежища после приговора.

Я замерла.

– Совсем?

– Совсем.

Мило.

Муж поверил обвинению.

Родная семья решила, что дистанция полезнее дочери.

Неудивительно, что прежняя Ангела оказалась одна.

– Тогда нет, – сказала я.

Риан не спросил почему.

Карета проехала через высокие ворота.

За ними оказался внутренний двор, освещенный светильниками. Каменный дом выглядел не как дворец, а как место, построенное человеком, который предпочитал полезность впечатлению.

Широкие ступени.

Темные окна.

Охрана у входа.

Ни одного лишнего человека.

Когда карета остановилась, дверь открыл мужчина в форме Корвелов.

Я уже собиралась выйти сама.

Риан оказался снаружи раньше.

Он не протянул руку.

Я отметила это.

После нашего разговора на дороге было бы странно, если бы он решил изображать заботливого мужа.

Я спустилась самостоятельно.

Колени почти выдержали.

Почти.

На последней ступеньке пришлось на секунду опереться о дверцу.

Риан видел.

Ничего не сказал.

Тоже хорошо.

В доме нас встретила женщина лет пятидесяти в строгом темном платье.

Она посмотрела на меня.

На ее лице на мгновение появилось такое искреннее потрясение, что я поняла: мое возвращение сюда точно не было запланировано.

– Лорд Корвел.

– Госпожа Тарн.

– Леди...

Она запнулась.

Очень показательно.

Как теперь меня называть?

Бывшей женой?

Осужденной?

Леди Лессар?

Риан решил проблему.

– Для леди Ангелы подготовить комнаты в восточном гостевом крыле.

Женщина моргнула.

– В гостевом?

– Да.

Всего одно слово.

Но напряжение исчезло с ее лица.

Она поняла правила.

Я тоже.

Не бывшие супружеские покои.

Не комнаты хозяйки дома.

Гостевые.

Мы действительно не возвращали старую жизнь.

– Целитель придет через час, – добавил Риан. – Охрана у входа в крыло. Внутрь без разрешения не входит никто.

Я повернулась к нему.

– Мой выход тоже охраняется?

– Да.

– То есть я под арестом.

– Нет.

– Очень похожая архитектура.

– После сегодняшнего нападения я не оставлю вас без охраны.

– А если захочу выйти?

– Сообщите начальнику караула.

– Получу разрешение?

– Сопровождение.

Не идеально.

Но разница была.

– Пока принимается.

Госпожа Тарн посмотрела на меня так, будто я только что объявила, что лично утверждаю правила дома Корвелов.

Риан тоже это заметил.

– Пока? – спросил он.

– Мы вернемся к этому завтра.

– Мы?

– Вы же сами сказали, что это не переговоры.

– И не изменил мнения.

– Тогда завтра у вас появится новая информация.

Он устало посмотрел на меня.

Впервые я заметила, что день достался не только мне.

Под глазами легли едва заметные тени. На вороте камзола осталось темное пятно, которое я сначала приняла за грязь.

Кровь.

Не его или его.

Я не знала.

И спрашивать сейчас не собиралась.

– Еще одно, – сказал он.

– Конечно.

– Исполнение вашего изгнания будет временно приостановлено.

Я перестала замечать окружающих.

– Вы можете это сделать?

– Нет.

Честно.

– Тогда?

– Я подам официальный запрос в Верховную палату на основании покушения и угрозы ключевому участнику дела.

– Участнику.

– Ваш статус пока не изменен.

Вот и напоминание.

Для закона я все еще осужденная.

– И если палата откажет?

– Не откажет.

– Вы так уверены?

– Да.

Я не стала спрашивать почему.

Пока.

– Что вы хотите взамен?

Госпожа Тарн опять сделала вид, что ее здесь нет.

Риан посмотрел прямо на меня.

– Полного сотрудничества.

Вот оно.

– Определение слова «полное» обсудим завтра.

– Ангела.

– Риан.

Небольшая пауза.

– Вам нужно лечь.

– А вам нужно перестать использовать это как аргумент.

– Сегодня он обоснован.

– Сегодня многое обосновано. Например, мое желание увидеть материалы дела.

Он замер.

– Сейчас?

– Нет. Я способна признать, что после двух ударов головой чтение судебных протоколов не лучший план.

– Рад это слышать.

– Завтра.

– Нет.

Я чуть приподняла подбородок.

– Почему?

– Потому что материалы первого дела находятся под ограниченным доступом.

– Дело обо мне закрыто?

– Да.

– Тогда на каком основании мне запрещено видеть доказательства, которыми меня осудили?

– Вы видели их на процессе.

– Я сейчас их не помню.

– Это ваша проблема с памятью, а не основание открыть государственный архив.

– Сегодня на меня напали люди, которые знали закрытый маршрут.

Риан ничего не сказал.

– И искали мои вещи, – продолжила я. – Если нападение связано со старым делом, старое дело больше не старое.

– Это еще нужно доказать.

– Тогда дайте мне возможность посмотреть, что там вообще доказывали.

– Зачем?

Впервые он спросил это не как отказ.

По-настоящему.

Я оглянулась.

Высокий холл.

Люди Корвелов.

Дом мужчины, который когда-то поверил, что женщина в моем теле пыталась убить его сестру.

Где-то в этом городе находились люди, заплатившие за мою смерть.

А у меня пока не было ничего, кроме чужого имени, чужого прошлого и медальона под платьем.

– Потому что человека, которого вы осудили, сегодня пытались убить еще раз.

– Вас.

Я посмотрела на него.

– Да. Меня.

Это различие было важнее, чем он пока мог понять.

– Но убийцы пришли за женщиной, которую знали вы. Они искали ее вещи. Они знали ее маршрут. Значит, прежняя Ангела либо что-то знала, либо чем-то обладала.

Риан медленно выпрямился.

– Вы говорите о себе в третьем лице.

Черт.

– Иногда полезно отделять человека от версии о нем.

– Вы опять уходите от ответа.

– А вы от моего.

Он смотрел на меня.

Я продолжила:

– Покажите материалы дела.

– И что вы собираетесь там найти?

– Не знаю.

– Убедительно.

– Именно поэтому мне и нужны документы.

Я сделала шаг ближе.

Не потому, что хотела сократить расстояние.

Потому что устала говорить через половину холла.

– Я не собираюсь доказывать вам, что достойна прежнего места. Мне не нужно возвращать брак. Не нужно, чтобы вы решили, что я хорошая женщина. И совершенно не интересует, кто что подумает о моем возвращении сюда.

Госпожа Тарн теперь точно слушала.

Пусть.

– Я хочу знать, почему за женщиной, которую уже осудили, отправили убийц.

Риан не шевельнулся.

– И если ответ находится в вашем старом расследовании, я его найду.

– Вы?

– Я хотя бы начну с вопросов.

Тишина.

Потом он повернулся к мужчине у двери.

– Госпожа Тарн проводит леди Ангелу в комнаты.

Я сжала губы.

Ушел от ответа.

– Завтра в десять, – добавил он.

Я остановилась.

– Что в десять?

– Материалы вашего дела.

Риан посмотрел на меня.

– И условия сотрудничества.

Вот теперь действительно начались переговоры.

Глава 4. Условия

В десять утра на столе передо мной лежали три листа бумаги, чернильница и доказательство того, что Риан Корвел считал вчерашний разговор недостаточно неприятным.

Доказательство называлось «Соглашение о временном сотрудничестве».

Я прочитала первую страницу.

Потом вторую.

Вернулась к первой.

Риан сидел напротив и не торопил.

Это настораживало сильнее, чем если бы торопил.

Комната, куда меня привела госпожа Тарн, оказалась небольшим рабочим кабинетом на первом этаже. Стол, два кресла, закрытый шкаф с книгами, высокое окно во двор. Никаких семейных портретов, оружия на стенах и прочих предметов, призванных напоминать гостье, в чей дом она попала.

О принадлежности дома сообщал сам Риан.

Этого хватало.

Я снова посмотрела на документ.

– «Соблюдать распоряжения назначенной охраны».

– Да.

– Нет.

Риан поднял глаза.

– Что именно?

– Весь пункт.

– Это не меню.

– Жаль. Некоторые позиции я бы вернула на кухню.

Он молчал.

Я взяла перо.

Чернила легли на бумагу непривычно густо. Руку пришлось удерживать внимательнее, чем хотелось. Тело прежней Ангелы, похоже, умело писать этим инструментом. Я нет.

Но линия получилась достаточно ровной.

Я зачеркнула слова «распоряжения назначенной охраны».

Риан проследил за движением пера.

– Вы только что исправили подготовленное соглашение.

– Именно.

– Не спросив.

– Теперь спрашиваю. Зачем мне выполнять любые распоряжения вашей охраны?

– Потому что эти люди отвечают за вашу безопасность.

– Нет. Они выполняют работу, связанную с моей безопасностью. Это не дает им права распоряжаться мной.

– Если возникает непосредственная угроза, дает.

– Тогда так и напишите.

Он откинулся на спинку кресла.

– Вы намерены разбирать каждую формулировку?

– Надеюсь.

– Это займет время.

– Меня вчера пытались убить. Расписание стало немного свободнее.

На столе справа лежал другой документ с тяжелой государственной печатью.

Сегодня рано утром из Верховной палаты пришло временное распоряжение. Исполнение моего изгнания приостанавливалось до первичной проверки обстоятельств нападения.

Не оправдание.

Не пересмотр дела.

Просто закон пока переставал выталкивать меня из столицы.

Для одного утра неплохо.

Особенно если учесть, что вчера я проснулась запертой в тюремной карете.

Я дописала вместо зачеркнутого:

«соблюдать согласованные меры безопасности при наличии непосредственной угрозы».

Протянула лист Риану.

Он прочитал.

– Слово «согласованные» создает проблему.

– Какую?

– В момент нападения у нас может не быть времени обсуждать меры безопасности.

Разумно.

Неприятно, когда человек, с которым споришь, периодически оказывается разумным.

– Тогда добавьте исключение для непосредственной угрозы жизни.

– Это я и пытался сделать изначально.

– Нет. Изначально вы написали, что ваша охрана может давать мне распоряжения всегда.

– Моя охрана не станет запрещать вам выбирать десерт.

– Прекрасно. Значит, вы не будете возражать против более точной формулировки.

Несколько секунд Риан смотрел на меня.

Потом взял чистый лист.

– Диктуйте.

Я моргнула.

– Что?

– Формулировку.

Я не ожидала, что он согласится так быстро.

Это раздражало почти сильнее сопротивления.

– «Ангела обязуется соблюдать заранее согласованные меры безопасности. При возникновении непосредственной угрозы жизни или здоровью она выполняет указания ответственного за охрану до прекращения угрозы».

Риан записал.

Почерк у него был быстрый, жесткий и удивительно разборчивый.

– Подходит?

Я перечитала.

– Пока да.

– «Пока» вы используете слишком часто.

– Потому что обстоятельства имеют дурную привычку меняться.

Он отложил перо.

– Следующий пункт.

Я опустила взгляд.

– «Незамедлительно сообщать лорду Корвелу или назначенному им лицу обо всех обнаруженных обстоятельствах, способных иметь отношение к нападению или прежнему делу».

Вот этот пункт мне не нравился по другой причине.

– «Незамедлительно» насколько?

– Как только информация становится вам известна.

– Даже если я сама не уверена, что она имеет значение?

– Да.

– Тогда вы получите огромное количество мусора.

– Я переживу.

– А если мне понадобится сначала проверить?

– Сообщите, что проверяете.

Я посмотрела на него поверх бумаги.

– Вы очень любите знать все.

– Когда речь идет об угрозе на моей территории или людям, за которых я отвечаю, да.

– Я не на вашей территории.

– Сейчас вы в моем доме.

– Это география, не право собственности.

На этот раз пауза была заметнее.

– Я не говорил о собственности.

– Хорошо.

Я вернулась к документу.

– Тогда оставим пункт, но изменим «обстоятельства» на «сведения и доказательства».

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы можете решить, что нечто еще не является доказательством, и промолчать.

Точно.

Мне это не понравилось.

Значит, он достаточно быстро понял, как я думаю.

– А вы можете решить, что любое мое сомнение является поводом посадить меня под замок.

– Я не сажал вас под замок.

– У моих дверей двое вооруженных мужчин.

– Снаружи.

– Какая тонкая юридическая граница.

– Вы можете выйти.

– С сопровождением.

– После вчерашнего это разумно.

– Для вас.

– Для любого человека, способного считать до числа нападавших.

Я подавила готовый ответ.

Он был прав.

Опять.

Но правильность риска не давала ему права бесконечно расширять контроль.

Я перечитала формулировку.

– Хорошо. Оставляем «обстоятельства». Но добавляем «которые Ангела обоснованно считает связанными с угрозой или делом».

– Вы получите возможность объявить любое умолчание обоснованным.

– А вы хотите получить возможность объявить нарушением то, что мне не пришло в голову сообщить.

– Именно поэтому договоры пишут конкретно.

– Наконец мы полностью согласны.

Риан потер переносицу.

Усталость вчера никуда не исчезла.

Но голос оставался ровным.

– Пишите свой вариант.

Я написала.

Потом мы спорили о слове «покидать».

В его версии я обязалась не покидать охраняемое место без предварительного уведомления.

В моей версии «охраняемого места» вообще не существовало.

Через десять минут родилось более терпимое:

я сообщала охране о поездках за пределы дома, а Риан обеспечивал сопровождение, если существовала подтвержденная угроза.

– Кто определяет, подтверждена ли она? – спросила я.

– Сейчас? Я.

– Нет.

– Ангела.

– Вы одновременно сторона соглашения и человек, определяющий, когда мои права можно ограничить. Плохая конструкция.

– Я лорд Корвел.

– Поздравляю.

Его взгляд стал тяжелее.

Я указала пером на бумагу.

– В собственном доме это дает вам много преимуществ. В договоре со мной должно давать меньше.

– Кто, по-вашему, должен оценивать угрозу?

Хороший вопрос.

Я задумалась.

– Начальник охраны может представить факты. Решение принимаем вместе, кроме ситуации, когда опасность уже происходит.

– Если мы не согласны?

– Тогда вы сообщаете мне последствия моего решения. А решаю я.

– Даже если считаете риск приемлемым, а я нет?

– Особенно тогда.

Риан медленно положил ладонь на стол.

– Вчера человек держал нож у вашего горла.

– Я помню.

– Если бы я прибыл на минуту позже, мы бы не обсуждали формулировки.

Ирония исчезла.

– Я тоже это понимаю.

– Не похоже.

– Потому что я не отдаю вам право запирать меня?

– Потому что вы обсуждаете опасность так, словно она закончилась.

– Нет. Я обсуждаю ее именно потому, что она не закончилась.

Он замолчал.

Я продолжила уже спокойнее:

– Кто-то знает закрытые маршруты. Кто-то заплатил людям за мою смерть. Я не знаю, насколько глубоко проходит утечка. Если единственным ответом станет «Риан решит, где мне находиться», я поменяю одну зависимость на другую.

– Я обеспечиваю защиту.

– Я согласна принять защиту.

– На ваших условиях.

– На наших.

Он смотрел на меня долго.

Потом зачеркнул собственную строку.

– Пишите.

Я написала.

Это был первый момент за утро, когда победа не принесла удовольствия.

Потому что я начинала подозревать: Риан не соглашался ради тишины.

Он действительно слышал аргумент.

Пока это усложняло картину.

Я перешла к его обязательствам.

Здесь текст нравился мне заметно больше.

Дом Корвел обеспечивал охрану.

Предоставлял мне доступ к материалам первоначального дела в пределах закона.

Обеспечивал возможность пользоваться услугами специалистов, если их работа относилась к проверяемым обстоятельствам.

Риан обязался поддерживать временную приостановку изгнания до окончания расследования нападения.

Следующий пункт я прочитала дважды.

– Это вы сами добавили?

– Какой?

Я повернула лист к нему.

– «Настоящее соглашение не восстанавливает ранее прекращенный брак и не создает у сторон личных, имущественных или супружеских прав, вытекавших из него».

– Да.

– Зачем?

– Вчера вы сочли необходимым уточнить это дважды.

– И вы решили внести в договор?

– Чтобы не уточняли третий раз.

Сухо.

Почти насмешка.

– Разумно.

– Рад получить одобрение.

– Не привыкайте.

Я продолжила чтение.

Последняя строка оказалась интереснее.

– Вы обязуетесь не ограничивать мое передвижение без непосредственной угрозы.

– Да.

– И сами это написали?

– Ангела.

– Проверяю, не подменили ли вас ночью.

Он не улыбнулся.

Но в глазах на мгновение появилось выражение, которое вполне могло означать, что терпение еще существует.

– У меня есть одна поправка, – сказала я.

– Конечно.

– «И не использовать сотрудничество как основание для восстановления брака или давления с целью его восстановления».

Риан совершенно перестал двигаться.

– Вы действительно считаете, что я собираюсь заставить вас снова выйти за меня?

– Я понятия не имею, что вы собираетесь делать. Именно поэтому и существует бумага.

– Я расторг этот брак.

– Значит, пункт не создаст вам неудобств.

Еще несколько секунд тишины.

Потом он протянул руку за пером.

– Формулируйте.

Я продиктовала.

Он записал.

Без спора.

Странное чувство.

Мне впервые с момента пробуждения удалось установить правило, которое другой человек не просто выслушал, а принял.

Я не стала придавать этому больше значения, чем следовало.

Рано.

– Осталось последнее, – сказал Риан.

Из внутреннего кармана камзола он достал небольшой плоский футляр.

Положил на стол.

Я посмотрела на него.

– Что там?

– Защитная печать.

– Звучит слишком хорошо.

– Это потому, что вы еще не начали спорить.

– Теперь точно начну.

Риан открыл футляр.

Внутри лежала тонкая пластинка размером с небольшую монету. Темный металл, по краю почти незаметные линии.

– Она крепится к коже, – сказал он. – На запястье или под ключицей. При резком повреждении защитного контура подает сигнал.

– Куда?

– Моей охране.

– Как?

– Через связанную родовую печать.

Я потянулась к пластинке, но не прикоснулась.

– Она показывает, где я нахожусь?

– Да.

Рука остановилась.

– Нет.

Риан посмотрел на меня.

– Вы даже не дослушали.

– Основное услышала.

– Без определения местоположения сигнал почти бесполезен.

– Для вас, возможно.

– Если на вас снова нападут, охрана должна знать, куда идти.

– Тогда вы сможете знать, где я нахожусь постоянно.

– Только человек с доступом к управляющей печати.

– У кого он есть?

– У меня и начальника моей охраны.

– Значит, два человека смогут следить за мной постоянно.

– Никто не собирается следить за вами постоянно.

– Но сможет.

– Да.

Вот за это я почти была ему благодарна.

Он мог бы смягчить.

Сказать «это формальность», «мы не станем», «вы преувеличиваете».

Вместо этого признал саму возможность.

– Тогда нет.

– Ангела.

– Нет.

Он чуть подался вперед.

– Вчера вас нашли только потому, что один из моих патрулей заметил дым и услышал сигнал охраны. В следующий раз может не быть ни дыма, ни выжившего человека, который поднимет тревогу.

– Я понимаю.

– Не похоже.

– Вы уже использовали эту фразу сегодня.

– Потому что проблема сохраняется.

– Как и мой ответ.

Тишина.

Он мог приказать.

Я вдруг ясно это поняла.

В этом доме его распоряжения исполнялись раньше, чем он успевал повторить. У двери стояла его охрана. Мое юридическое положение оставалось шатким. Даже возможность остаться в Астерне во многом зависела от его политического веса.

Если Риан решит, что печать необходима, физических способов помешать у меня было немного.

Я выпрямилась.

– Я не разрешаю ставить на меня печать, которая позволяет отслеживать мое местоположение.

Риан смотрел на меня.

Не моргал.

Потом закрыл футляр.

Просто.

Щелкнул замок.

– Хорошо.

Я не сразу поверила.

– Хорошо?

– Вы отказались.

– И все?

– Что еще вы ожидаете?

Вопрос оказался неудобным.

Я ожидала давления.

Торга.

Угрозы отказаться от защиты или документов.

По крайней мере попытки доказать, что он лучше знает, что мне необходимо.

– Не знаю, – сказала я.

Это была, пожалуй, первая полностью честная реплика за весь разговор.

Риан взял футляр, но не убрал.

– Есть другой вариант.

Разумеется.

– Какой?

– Сигнальная печать без постоянной привязки.

– Вы только что сказали, что без местоположения она бесполезна.

– Менее эффективна. Не бесполезна.

Он открыл футляр снова и вынул пластинку.

– Она может передавать сигнал только в момент активации. Вместе с ним на короткое время открывается направление на источник. После прекращения угрозы связь закрывается.

– То есть пока со мной ничего не происходит, определить, где я, нельзя?

– Нельзя.

– Кто активирует?

– Печать сама реагирует на сильное повреждение защитного слоя. И вы можете активировать ее вручную.

– А снять?

– Тоже можете.

Я прищурилась.

– Сама?

– Да.

– Без вашего разрешения?

– Да.

– Почему вы сразу не предложили этот вариант?

– Потому что стандартная печать надежнее.

Очень по-риановски.

– Для кого?

Он посмотрел на меня.

Я ждала.

– Для охраны.

– Вот теперь ответ точный.

Я снова рассмотрела пластинку.

– Что значит «защитный слой»?

Риан объяснил без лекции.

Печать создавала вокруг носителя слабую эфирную оболочку. Она не останавливала нож или стрелу. Но фиксировала резкое внешнее воздействие и передавала тревогу.

– Она может влиять на меня? – спросила я.

– Нет.

– Заставлять что-либо делать?

– Нет.

– Ограничивать движение?

– Нет.

– Вызывать боль за нарушение правил?

В его лице появилось откровенное недовольство.

– Нет.

– Я должна знать.

– Такая магия запрещена.

– Вчера я узнала, что существует яд, предназначенный для убийства драконов. Сегодня выяснила, что можно поставить на человека магическую метку, показывающую его положение. Мои представления о том, что здесь допустимо, пока формируются.

Риан принял это без ответа.

– Покажите, как она снимается.

Он положил пластинку на стол между нами.

– После установки по краю появится разрыв линии. Нажимаете сюда и удерживаете, пока металл не остынет.

– Установить можно без моего участия?

– Физически?

– Да.

– Можно.

Я подняла глаза.

– Но?

– Но вы только что отказались.

Вот опять.

Коротко.

Без красивых обещаний.

Мне это нравилось меньше, чем хотелось бы.

Я коснулась пластинки кончиком пальца.

Металл был теплым.

– Если я соглашусь на эту версию, кто будет иметь доступ к сигналу?

– Я и начальник охраны.

– Только в момент срабатывания?

– Да.

– Добавим это в договор.

– Вы хотите записать техническое устройство печати в соглашение?

– Хочу записать предел ваших возможностей.

Риан взял перо.

– Диктуйте.

Через пять минут пункт был готов.

Я перечитала его трижды.

Только потом протянула руку.

– Что нужно делать?

– Дайте запястье.

Я замерла на мгновение.

Само движение было обычным.

Но память тела отозвалась быстрее сознания.

Не воспоминанием.

Напряжением.

Коротким, резким желанием убрать руку.

Я так и сделала.

Риан остановился еще до того, как успел коснуться меня.

– Что?

– Ничего.

– Это не выглядит как ничего.

– Я передумала насчет места.

Он не спросил почему.

– Под ключицей?

– Нет.

Еще хуже.

Я посмотрела на пластинку.

– Я сама могу приложить?

– Можете. Мне нужно только активировать внешний контур.

– Тогда так.

Он передал мне печать.
Я прижала ее к внутренней стороне левого запястья.
– Держите.
Риан положил два пальца на край металлической пластинки.
Не на мою кожу.
По линиям прошел темно-синий свет.
Тепло стало сильнее, но не обожгло.
Через несколько секунд металл словно растаял в тонкий рисунок на коже.
Небольшой круг.
Разомкнутая линия.
Риан сразу убрал руку.
– Готово.
Я провела пальцем по рисунку.
Кожа оставалась гладкой.
– Как активировать вручную?
– Нажмите на центр и удерживайте три удара сердца.
– Проверим?
– Не сейчас.
– Почему?
– Потому что половина охраны дома прибежит сюда.
Я посмотрела на дверь.
– Может быть полезно для оценки скорости.
– Ангела.
– Хорошо.
Я опустила рукав.
На столе оставался договор.
Две окончательные страницы.
Риан поставил подпись первым.
Затем повернул документ ко мне.
Я взяла перо.
Имя написалось непривычной рукой.
Ангела Лессар.
Я смотрела на него секунду дольше, чем требовалось.
Имя было моим.
Фамилия нет.
Подпись тоже вышла не совсем моей.
Но решение поставить ее принадлежало мне.
Пока этого хватало.
– Готово, – сказала я.
Риан забрал один экземпляр.
Второй оставил передо мной.
– С этого момента ваши обязательства действуют.
– Ваши тоже.
– Я в курсе.
– Хорошо.
Он поднялся.
– Тогда начнем.
– Что именно?
Риан подошел к шкафу у стены.

Я только теперь заметила, что нижняя секция была закрыта тяжелой печатью.

Он приложил ладонь.

По металлу коротко прошел темный свет.

Замок открылся.

Риан достал оттуда плоский деревянный короб.

Не слишком большой.

Но тяжелый.

Поставил передо мной.

– Что это?

– То, чего вы хотели.

Я сняла крышку.

Внутри лежали документы.

Десятки листов.

Протоколы.

Заключения.

Переписка.

Печатные копии.

Сверху лежал краткий перечень основных доказательств.

Я начала читать.

Пепельная соль в личных вещах.

Разрешение с моей печатью.

Свидетельские показания.

Ссора с Элирой.

Письмо.

Магический след на браслете.

Присутствие возле комнаты напитков.

Я дочитала список.

Потом еще раз.

Шесть отдельных направлений обвинения и одно обстоятельство доступа.

Не слух.

Не одна ошибка.

Не слово обиженного родственника.

Если смотреть только на этот перечень, женщина в моем теле действительно выглядела виновной.

Я подняла глаза на Риана.

Он не торжествовал.

Не говорил: «Теперь понимаете?»

Просто ждал.

Я снова посмотрела на документы.

Вчера мне хотелось узнать, как человек мог поверить, что его жена пыталась убить сестру.

Теперь вопрос изменился.

Как кто-то сумел сделать так, чтобы разумный человек почти не мог поверить ни во что другое?

Глава 5. Шесть доказательств

Я начала с того, что убрала в сторону перечень обвинений.

Риан наблюдал молча.

– Что не так со списком?

– Пока ничего.

– Вы смотрели на него вчера.

– Именно поэтому сейчас не хочу.

Я вынула из короба первую папку и положила перед собой.

Бумаги здесь отличались от привычных мне не только размером. Плотнее, тяжелее, с тиснением по краям. На некоторых в углу виднелись знаки печатей, похожие скорее на тонкие узоры, чем на штампы.

Разбираться во всем этом предстояло отдельно.

Но человеческая привычка превращать хаос в систему, к счастью, не зависела от формы бумаги.

– Мне нужно место.

Риан посмотрел на длинный стол.

– Вам его мало?

– Мне нужен еще тот.

Я указала на небольшой столик у окна.

Он несколько секунд молчал.

Потом встал и сам отодвинул кресло, освобождая проход.

– Что вы собираетесь делать?

– Разделять.

– Что?

– Все.

Я взяла верхний документ.

Протокол обыска.

Пробежала глазами текст.

Половину формальных оборотов пока приходилось угадывать по смыслу. Но основное было понятно.

Обыск комнат Ангелы Лессар в столичном доме Корвелов.

Обнаружена небольшая коробка.

Внутри запрещенное вещество.

Предварительно идентифицировано как пепельная соль.

Я положила протокол слева.

– Это факт, – сказала я.

– Что именно?

– При обыске нашли вещество.

– Именно.

– Нет.

Риан нахмурился.

– Что «нет»?

– Факт не в том, что нашли пепельную соль. Факт в том, что люди, проводившие обыск, нашли коробку с веществом, которое позднее назвали пепельной солью.

– Это одно и то же.

– Пока нет.

Я взяла следующее заключение.

Там уже стояла подпись специалиста.

Печатей было две.

– А вот теперь можно добавить, что вещество исследовали и признали пепельной солью.

– И что это меняет?

– Ничего. Я просто не хочу смешивать события.

Риан вернулся в кресло.

– Вы всегда так работаете?

– Когда кто-то уже сделал вывод до меня, стараюсь.

– Почему?

Я подняла на него глаза.

– Потому что вывод прилипает к фактам. Потом перестаешь замечать, где заканчивается одно и начинается другое.

Он ничего не ответил.

Я продолжила.

Заключение о веществе ушло рядом с протоколом обыска, но не в ту же стопку.

Следующим оказался документ о получении одного из контролируемых компонентов.

Личная печать Ангелы.

Я задержала на ней взгляд.

Вчера Риан сказал, что ее проверяли.

Сегодня хотелось понять кем.

Внизу документа стояло заключение Королевской палаты безопасности.

Я положила его на середину стола.

– Документ, – сказала я. – Пока отдельно.

Следующим шел протокол показаний Марты Нейл.

Потом запись двух свидетелей ссоры с Элирой.

Потом копия письма.

Потом заключение следового мага по браслету.

Через четверть часа на столе образовалось несколько стопок.

Риан все-таки спросил:

– По какому принципу?

Я указала по очереди.

– Физические объекты. Документы. Свидетельские показания. Экспертные выводы.

– А письмо?

– Документ.

– Разрешение тоже.

– Да.

– Но одно вы положили отдельно.

– Потому что письмо доказывает только то, что кто-то написал письмо. А разрешение должно доказывать, что конкретный человек получил контролируемое вещество. Вес разный.

– Письмо написали вы.

– Прежняя Ангела.

Я произнесла это машинально.

Риан посмотрел на меня.

Пришлось продолжить, не давая ему возможности зацепиться.

– И даже если написала она, нам еще предстоит решить, что именно письмо доказывает.

Я раскрыла копию.

Текст был длиннее той фразы, которую Риан вчера вспомнил.

Уже хорошо.

Я прочитала первые строки.

Речь шла о положении Лессаров.

О будущих договоренностях Корвелов.

О каком-то изменении торгового маршрута.

Потом появлялась та самая фраза:

«Если объявление состоится сейчас, положение нашего дома станет еще слабее. Я не позволю всему закончиться так».

Звучало неприятно.

Но не как признание в подготовке убийства.

– Это считалось мотивом? – спросила я.

– Одним из подтверждений мотива.

– Что значит «подтверждение мотива»?

– Вы были недовольны союзом.

– Это письмо доказывает недовольство.

– Да.

– А попытку убийства?

– Нет.

– Тогда кладем сюда.

Я перенесла письмо к стопке «обстоятельства».

Риан медленно выдохнул.

– У вас есть названия для всех стопок?

– Теперь есть.

– И какие?

Я указала.

– «Было». «Кто-то сказал». «Кто-то решил». «Может значить что угодно».

Его взгляд остановился на последней.

– Очень профессионально.

– Вы хотели быстро.

В уголке его рта едва заметно появилось движение.

На этот раз я точно его увидела.

– Я не говорил, что хотел быстро.

– Тогда у меня есть еще более профессиональные названия.

– Оставьте эти.

Я вернулась к бумагам.

Через несколько минут обнаружилась первая вещь, которая мне по-настоящему не понравилась.

На заключении по браслету стоял знак Королевской палаты безопасности.

На протоколе обыска тоже.

Показания Марты оформляла Палата.

Разрешение с печатью проверяли специалисты Палаты.

Я снова раскрыла папку с веществом.

Лабораторное заключение было выполнено государственным алхимическим отделением.

Но направление на экспертизу выписывала Палата.

– Кто назначал специалистов? – спросила я.

– Следствие.

– Кто вел следствие?

Риан ответил сразу:

– Дейр Вальт.

Имя я уже слышала вчера.

Теперь оно появилось на бумаге.

Подпись стояла внизу первого протокола.
Та же фамилия была на сопроводительном листе к экспертизе.
– Должность?
– Старший следователь Королевской палаты безопасности.
– Он лично собирал все материалы?
– Нет. Дело вело несколько человек.
– Но руководил он?
– Да.
Я взяла еще один лист.
Опять Вальт.
Не на самом заключении.
На распоряжении о проведении проверки.
Я отложила его.
– Вы его знаете?
– Да.
– Хорошо?
– Достаточно.
– Это политический ответ.
Риан поднял брови.
– Вы спросили неопределенно.
Справедливо.
– Вы работали с ним раньше?
– Несколько раз.
– Он ошибался?
– Все ошибаются.
– Даже вы?
Его взгляд стал прохладнее.
– Особенно интересуетесь?
– В данный момент очень.
– Я заметил.
Я снова посмотрела на подпись.
Не подозреваемый.
Пока просто человек, который стоял в центре расследования.
Это могло означать ровно то, что он руководил расследованием.
Не больше.
– Я не говорю, что Дейр Вальт что-то сделал, – сказала я.
– Пока.
– Вы учитесь.
– У вас заразительная привычка добавлять это слово.
Я проигнорировала.
– Но мне нужно понимать происхождение каждого доказательства.
– Вы его видите.
– Нет. Я вижу финальную бумагу.
Риан положил ладонь на стол.
– Объясните.
Я взяла протокол обыска.
– Кто решил обыскивать мои комнаты?
– Следствие.
– Кто проводил?

– Сотрудники Палаты вместе с представителем дома.

– Кто именно от дома?

– Не помню.

– Узнаем.

Следующее.

– Кто нашел коробку?

– Это должно быть в полном протоколе.

– Хорошо. Кто забрал вещество?

– Палата.

– Кто направил на исследование?

– Палата.

Я коснулась разрешения.

– Кто получил этот документ?

– Следствие.

– Кто проверил печать?

– Специалист Палаты.

Показания Марты.

– Кто ее допрашивал?

Риан посмотрел на подпись.

– Следователь Палаты.

Браслет.

– Кто забрал его как доказательство?

– Палата.

– Кто направил к следовому магу?

– Палата.

Я откинулась на спинку кресла.

– Вот теперь мне не нравится список еще больше.

– Почему?

– Потому что вчера я увидела шесть доказательств.

– Их и есть шесть.

– Нет.

Риан чуть нахмурился.

Я подвинула к нему документы.

– Представьте шесть колодцев.

– Зачем?

– Просто представьте.

– Я предпочитаю факты.

– Потерпите.

Он замолчал.

– Из первого колодца мы берем воду и выясняем, что она отравлена. Из второго тоже. Из третьего. Из четвертого. Шесть разных колодцев, одна и та же проблема. Логичный вывод?

– Источник заражения общий или загрязнена вся территория.

– Хорошо. А теперь выясняется, что все шесть колодцев питаются одной подземной рекой.

Он посмотрел на бумаги.

– Вы считаете Палату этой рекой.

– Я считаю, что пока не имею права называть шесть результатов шестью независимыми подтверждениями.

– Палата не создавала вашу ссору с Элирой.

– Нет.

– Не писала ваше письмо.

– Насколько мы знаем, нет.

– Не заставляла свидетелей видеть вас возле комнаты напитков.

– Насколько мы знаем.

– Вы намеренно добавляете это каждый раз?

– Да.

Он медленно покачал головой.

– Даже если исключить все, что прошло через Палату, остается несколько фактов.

– Конечно.

– Тогда ваша теория ничего не меняет.

– У меня нет теории.

– Вы только что сравнили государственный орган с зараженной рекой.

– Это была иллюстрация.

– Неудачная.

– Вы поняли.

Он не стал отрицать.

Я снова склонилась над документами.

– Я не пытаюсь доказать, что Палата подделала дело. Я пытаюсь понять, какие доказательства действительно возникли независимо друг от друга.

– И зачем?

– Потому что количество действует на людей.

Риан молчал.

– Один странный документ вызывает вопрос. Один свидетель может ошибиться. Один след вещества можно объяснять. Но когда вам показывают сразу шесть вещей, мозг перестает проверять каждую отдельно. Они начинают поддерживать друг друга.

– Именно поэтому совокупность доказательств имеет значение.

– Если источники независимы.

– Вы опять это повторяете.

– Потому что это важно.

Я взяла разрешение.

– Допустим, этот документ поддельный.

– Допустим.

– Тогда сам факт его существования уже влияет на то, как следователь воспринимает яд в моих комнатах.

– Прежней Ангелы.

Я посмотрела на него.

Он специально исправил меня.

Вчера он заметил, что я говорю о себе в третьем лице.

Сегодня сам отделил женщину из дела от меня.

Интересно.

– Прежней Ангелы, – согласилась я. – А найденный яд заставляет специалиста менее критично воспринимать документ. Потом появляется свидетель. Потом письмо. Каждый следующий элемент делает предыдущий убедительнее.

– Даже если все они настоящие?

– Особенно тогда.

– Почему?

– Потому что хорошая ложь редко состоит только из лжи.

Он замолчал.

Я сама не знала, почему эта фраза прозвучала так неприятно.

Наверное, потому что слишком хорошо подходила к делу.

Если прежнюю Ангелу действительно подставили, человек, который это сделал, не был идиотом.

Он использовал настоящую ссору.

Настоящее письмо.

Настоящее присутствие возле комнаты.

А между ними разместил то, что нужно.

Проверить предстояло именно стыки.

– Мне нужны оригиналы, – сказала я.

– Перед вами копии полного дела.

– Я говорю не об оригиналах материалов следствия.

– Тогда о чем?

– Об обычных документах прежней Ангелы.

– Зачем?

– Хочу сравнить печать.

Риан перевел взгляд на разрешение.

– Ее уже проверяли.

– Палатой.

– Мы опять возвращаемся к этому.

– Пока да.

Он встал.

– Какие документы?

– Любые, подлинность которых точно не вызывает вопросов. Желательно созданные до покушения и не связанные с делом.

– Например?

– Договоры. Письма. Распоряжения по дому. Получение денег. Что угодно, где использована личная печать.

– Письма обычно не требуют личной магической печати.

– Значит, не письма.

Риан подошел к шкафу.

Не открыл.

Повернулся.

– Если я дам вам старые документы, что именно вы собираетесь сравнивать?

Хороший вопрос.

Я посмотрела на печать на разрешении.

Вчера она казалась просто сложным рисунком.

Сегодня, после нескольких часов рядом с разными документами, возникло странное ощущение.

Не зрительное.

Почти как если бы я смотрела на идеально ровную строчку и знала, что одна буква набрана другим шрифтом, хотя не могла показать пальцем какая.

Я протянула руку.

Коснулась края документа.

Подушечки пальцев слегка потеплели.

Я отдернула руку.

Риан сразу это заметил.

– Что?

– Не знаю.

– Больно?

– Нет.

Я снова прикоснулась.

Тепло.

Очень слабое.

На линии печати словно существовал едва ощутимый рельеф, хотя бумага под пальцами оставалась гладкой.

Я провела вдоль края.

Реакция исчезла.

Вернулась к центру.

Снова.

– Ангела?

– Подождите.

Я закрыла глаза.

Глупо.

Но зрение скорее мешало.

Пальцы двигались медленно.

По кругу печати ощущение было ровным.

Почти.

В одном месте тепло становилось чуть резче.

Не боль.

Скорее неправильность.

Я открыла глаза.

Риан стоял уже ближе.

– Что вы делаете?

– Хороший вопрос.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Я убрала руку.

– Когда я касаюсь печати, что-то чувствую.

– Что?

– Если бы могла нормально объяснить, уже объяснила бы.

– Жар?

– Немного.

– Это обычная остаточная реакция активной печати.

– Через сколько она исчезает?

– Зависит от типа документа.

– Значит, мне точно нужны старые образцы.

Риан не двинулся.

– Вы раньше чувствовали печати?

Опасный вопрос.

– Сегодня впервые обращаю внимание.

Это было правдой.

Не всей.

Но правдой.

Он некоторое время изучал мое лицо.

Потом все-таки открыл шкаф.

Достал узкий короб.

– Здесь документы дома.

– Мои?
– Ваши распоряжения по хозяйственным расходам за прошлый год.
Я протянула руку.
Он короб не отдал.
– С ними ничего не делать без меня.
– Думаете, съем и съем улики?
– Думаю, вы пока сами не понимаете, что именно делаете с печатями.
Тоже справедливо.
Я протянула ладонь.
– Тогда садитесь.
Он поставил короб.
Первым оказался небольшой расходный документ.
Я коснулась печати.
Тепло.
Но другое.
Ровное.
Спокойное.
Я взяла второй.
То же.
Третий.
Опять.
Я стала раскладывать документы в ряд.
Риан сел напротив.
Не вмешивался.
Через несколько минут передо мной лежали пять подлинных печатей прежней Ангелы.
Я вернула к ним разрешение на получение компонента.
Внешне почти одинаково.
Круг.
Несколько пересекающихся линий.
Маленький знак Лессаров.
Я коснулась первой.
Ровное тепло.
Второй.
То же.
Третьей.
То же.
Потом разрешения.
По пальцам прошел короткий неприятный импульс.
Я замерла.
– Еще раз, – сказала я.
– Что?
– Дайте другой документ из дела с этой печатью.
Риан достал копию одного из приложений.
Я коснулась.
Ощущение оказалось слабее, потому что передо мной была копия.
Но структура воспринималась ровно.
– Оригинал есть?
– В архиве Палаты.
– Плохо.

– Почему?

– Потому что копия почти ничего мне не дает.

Он посмотрел на мои пальцы.

– Вы утверждаете, что можете определить подлинность печати прикосновением?

– Нет.

– Что тогда?

– Я утверждаю, что одна из них ощущается не так.

– Это не доказательство.

Я подняла глаза.

– Отлично.

Риан нахмурился.

– Что отлично?

– Вы впервые за утро сказали именно то, что я хотела услышать.

– Что ваше ощущение ничего не доказывает?

– Именно.

Я подвинула разрешение к середине.

– Значит, мы не будем объявлять печать поддельной. Мы просто найдем человека, который умеет проверять это лучше меня.

– Специалиста.

– Независимого.

Его взгляд стал тяжелее.

– Вы не отступите от этого слова?

– Не планирую.

Риан взял один из старых документов.

Потом разрешение.

Положил рядом.

– Внешне разницы нет.

– Я вижу.

– Печати могли наноситься в разное время. Разным количеством эфира. На разную бумагу.

– Прекрасно.

– Это не аргумент в вашу пользу.

– А я пока не ищу аргументы в свою пользу.

Он поднял глаза.

– Нет?

– Нет.

Я положила пальцы на старую печать.

Потом на ту, что стояла на разрешении.

Разница никуда не исчезла.

– Я хочу понять, почему эта вещь не похожа на остальные.

– И если окажется, что причина обычная?

– Вычеркнем вопрос и пойдем дальше.

– Просто так?

– А что вы предлагаете? Обидеться на реальность?

Он смотрел на меня непривычно долго.

Не как раньше, когда пытался понять, что произошло с женщиной, которую он знал.

Иначе.

Будто впервые решал, что именно перед ним находится.

Я повернула документы к нему.

Пять старых печатей.
Одна из дела.
– Посмотрите.
– Я уже смотрел.
– Нет. Не на рисунок.
– А на что?
Я указала на пять документов.
– Эти сделаны в разное время?
– Да.
– Для разных целей?
– Да.
– На разной бумаге?
– Да.
– Но все ощущаются одинаково.
– Для вас.
– Именно.
Я коснулась шестого листа.
Неприятный импульс снова отозвался в пальцах.
– А эта нет.
Риан перевел взгляд с документа на меня.
– Что вы хотите сказать?
Я посмотрела на шесть печатей.
Потом отделила разрешение от остальных.
– Пока только одно.
Подвинула его ближе к Риану.
– Они разные.

Глава 6. Печать, которая лжет

Независимый специалист прибыл через два часа.

Этого времени мне хватило, чтобы еще трижды потрогать спорную печать и убедиться в двух вещах.

Первое: ощущение неправильности никуда не исчезало.

Второе: я понятия не имела, что с этим делать.

Пять старых документов прежней Ангелы лежали на столе слева. Разрешение на получение компонента пепельной соли – справа.

Внешне печати выглядели почти одинаково.

Под пальцами – нет.

Старые отзывались ровным теплом. Слабым, спокойным, предсказуемым.

Спорная каждый раз давала короткий неприятный толчок.

Можно было сколько угодно убеждать себя, что это важно.

Пока единственным измерительным прибором оставалась женщина, которая четыре дня назад вообще не знала о существовании магических печатей.

Не самая убедительная экспертиза.

Я услышала голоса за дверью.

Риан вошел первым.

За ним появился сухощавый мужчина неопределенного возраста с кожаным футляром под мышкой. Темные волосы были коротко подстрижены, на переносице сидели очки с круглыми стеклами.

Он остановился, увидев меня.

Не поклонился низко.

Только обозначил приветствие головой.

Мне уже нравился.

– Это тот документ? – спросил он у Риана.

– Да.

Мужчина подошел к столу.

– А остальные?

– Подлинные распоряжения леди Ангелы за предыдущий год.

Специалист перевел взгляд на меня.

– Мне сказали, вы чувствуете различие.

– Мне сказали меньше. Я чувствую что-то разное. Насколько это связано с подлинностью, я не знаю.

Он помолчал.

Потом кивнул.

– Хороший ответ.

– Я старалась.

Риан закрыл дверь.

– Вы работаете на Палату?

Специалист посмотрел на меня поверх очков.

– Нет.

– На Корвелов?

– Тоже нет.

– Тогда пока подходите.

– Ангела, – произнес Риан.

– Мы договаривались о независимой проверке.

– Я помню.

– Проверяю независимость.

Специалист неожиданно усмехнулся.

– Если поможет, лорд Корвел оплачивает только сегодняшний вызов. Моей служебной клятвы ему не принадлежит.

– Уже лучше.

Риан занял место с другой стороны стола.

– Начнем?

Специалист не стал отвечать.

Он вымыл руки в принесенной слугой чаше, тщательно вытер их, затем раскрыл футляр.

Внутри лежали несколько прозрачных пластин, тонкие металлические иглы с тупыми концами и небольшой темный камень.

Я наклонилась ближе.

– Что это?

– Инструменты.

– Я вижу.

Он поднял глаза.

– И все равно спрашиваете.

– Именно.

Еще одна короткая усмешка.

Риан посмотрел на него.

Усмешка исчезла.

Кажется, мой бывший муж умел прекращать веселье без единого слова.

Специалист взял первый старый документ.

– Личная печать состоит не только из рисунка. Видимая часть нужна людям. Основная структура создается эфирным слепком владельца.

Я кивнула.

Пока понятно.

– Поэтому две настоящие печати одного человека могут немного отличаться внешне?

– Конечно. Давление, бумага, объем вложенной энергии. Даже состояние владельца влияет на четкость внешнего слоя.

– Но внутренняя структура?

– Должна сохранять основные узлы.

Он поднес к печати одну из прозрачных пластин.

По ее поверхности побежали тонкие светлые линии.

Не рисунок самой печати.

Скорее сетка.

– Вы это видите? – спросил он.

– Линии.

– Хорошо.

– А должна?

– Если бы совсем не видели, разговор о вашей чувствительности пришлось бы закончить быстрее.

Очень обнадеживает.

Он положил рядом второй подлинный документ.

Потом третий.

Каждый раз свет распределялся почти одинаково.

Не идентично.

Но я начала замечать повторение нескольких точек, где линии словно сходились плотнее.

– Узлы? – спросила я.
Специалист поднял взгляд.
– Да.
– Сколько их должно быть?
– У этой печати семь основных. Есть вспомогательные.
– Они меняются?
– Основные нет.
Он дошел до пятого документа.
Все семь мест совпадали.
Затем взял разрешение.
Комната стала очень тихой.
Прозрачная пластина легла поверх печати.
Свет появился не сразу.
Когда линии проступили, я наклонилась вперед.
Семь узлов были на месте.
Почти.
Я указала пальцем.
– Здесь.
– Не касайтесь.
Я остановилась.
– Почему?
– Пока не закончу первичную проверку.
Специалист повернул пластину.
Посмотрел с другой стороны.
Потом достал вторую.
Риан не задавал вопросов.
Я терпела примерно минуту.
– Что вы видите?
– Пока недостаточно.
– Это заразно?
Специалист посмотрел на меня.
– Что?
– Манера отвечать Риана.
Риан даже не повернул головы.
– Сосредоточьтесь.
– Я как раз пытаюсь.
Специалист снова склонился над документом.
Через несколько минут он отложил пластину.
– Один из вспомогательных контуров смещен.
Я сразу посмотрела на Риана.
Он смотрел на документ.
– Насколько?
– Очень мало.
– Такое возможно при естественном наложении? – спросила я.
– Возможно.
Слишком быстро радоваться я и не собиралась.
– Значит, ничего.
– Я не сказал «ничего».
Специалист взял один из подлинных документов и положил рядом.

– Здесь вспомогательный контур тоже немного смещен. На другом документе еще сильнее.

Я сравнила.

Действительно.

– Тогда в чем разница?

– В направлении.

Он указал тупой иглой на едва заметную линию.

– Естественное смещение тянется вместе с эфирным слоем. Здесь слой лег правильно, а контур смещен отдельно.

– Что это значит?

– Пока только то, что мне это не нравится.

– Уже двое.

Риан наконец посмотрел на меня.

– Ваше ощущение все еще не является доказательством.

– Я знаю.

– Хорошо.

– Вы второй раз напоминаете.

– Потому что вчера вы выглядели слишком довольной.

– Я сказала, что печати разные.

– Так и есть, – вмешался специалист. – Но «разные» не означает «одна поддельная».

Я кивнула.

– Что еще может дать такой эффект?

Он начал перечислять.

Повторное наложение.

Повреждение бумаги.

Ошибку при восстановлении документа.

Сильное внешнее магическое воздействие.

Редкий дефект материала.

Чем длиннее становился список, тем меньше мне нравилось собственное открытие.

Но это было нормально.

Хорошая версия обязана выдерживать попытки ее разрушить.

– Можно проверить? – спросила я.

– Часть причин.

– Сейчас?

– Если лорд Корвел разрешит воздействие на документ.

Я повернулась к Риану.

– Это копия или оригинал?

– Оригинал разрешения находится в материалах дела.

– Тогда?

Риан посмотрел на специалиста.

– Повреждение возможно?

– Если структура нестабильна.

– Насколько серьезное?

– В худшем случае будет невозможно повторить часть проверки.

Риан не ответил сразу.

Я понимала причину.

Если документ окажется подделкой, он станет ключевой уликой.

Если мы уничтожим его сейчас, пытаясь это доказать, получится особенно талантливо.

– Можно сделать без риска? – спросила я.

– Почти без риска.

– У слова «почти» сегодня тяжелая судьба.

– Для точной работы мне нужно поднять остаточный слой.

– Что произойдет?

– Печать отзовется на поданный эфир.

Я посмотрела на собственные пальцы.

– А если я буду касаться ее в этот момент?

Специалист задержал на мне взгляд.

– Не рекомендую.

– Почему?

– Если ваша чувствительность действительно выше обычной, реакция может оказаться болезненной.

– Насколько?

– Я не знаю, насколько вы чувствительны.

– Логично.

Риан произнес:

– Не будете касаться.

Я посмотрела на него.

– Вы опять решили за меня.

– Я передал рекомендацию специалиста в понятной форме.

– Очень заботливо.

– Это не забота. Нам не нужна еще одна травма.

Именно.

Разумеется.

Я отвернулась к столу.

Специалист сделал вид, что рассматривает инструменты.

Мне показалось, совершенно напрасно.

– Хорошо, – сказала я. – Сначала без меня.

Риан ничего не ответил.

Почему-то это раздражало сильнее, чем если бы победно согласился.

Специалист положил рядом с документом темный камень и коснулся его иглой.

По поверхности прошел белый свет.

Он медленно перетек на прозрачную пластину, а оттуда на печать.

Семь основных узлов вспыхнули.

Один за другим.

Первый.

Второй.

Третий.

Я наклонилась ближе.

На шестом свечение на мгновение раздвоилось.

– Видели? – спросила я.

– Да.

– Это оно?

– Возможно.

– Ненавижу это слово.

– Работа с печатями редко дает красивые ответы.

– Начинаю уважать вашу профессию.

Он повторил процедуру на подлинном документе.

Никакого раздвоения.

Еще на одном.

Тоже.

Потом снова на спорном.

Шестой узел дрогнул.

Совсем немного.

Но теперь это увидела не только я.

Риан приблизился к столу.

– Причина?

– Пока две наиболее вероятные. Повреждение после нанесения или чужая матрица.

Слово повисло между нами.

Я выпрямилась.

– Матрица?

– Незаконный способ воспроизвести чужую печать.

– Насколько точный?

– Зависит от мастера и образца.

– То есть личную печать можно подделать настолько хорошо, что обычная проверка ее примет?

Специалист снял очки и протер стекло.

– Обычная проверка не должна принимать такую печать.

– Но приняла.

– По материалам старого дела – да.

Риан спросил:

– Вы уверены, что подобная матрица существовала на момент покушения?

Специалист посмотрел на него почти оскорбленно.

– Лорд Корвел, незаконные матрицы существовали задолго до моего рождения.

– Я спрашивал о качестве.

– И качество существовало.

Риан выдержал взгляд.

– Значит, теоретически разрешение могли изготовить без Ангелы.

– Теоретически.

– А практически?

– Практически мне нужно больше данных.

Мне понравился этот человек.

Он отказывался дарить нам удобную правду.

– Что именно нужно? – спросила я.

– Оригиналы других ваших печатей примерно того же периода. Желательно на аналогичной бумаге. Данные о хранении разрешения. И независимое заключение по самому материалу документа.

– Почему по бумаге?

– Если разрешение изготовили позже заявленной даты, материал иногда это показывает.

Вот это я знала.

Не магически.

Но принцип был знаком.

– Чернила?

– Используемый состав тоже.

– То есть документ можно проверить по нескольким независимым линиям.

Специалист кивнул.

Я посмотрела на Риана.

– Вот.

– Что «вот»?

– Так должно было быть в первый раз.

Он не ответил.

Специалист перевел взгляд между нами и благоразумно вернулся к инструментам.

– Кто проверял печать во время первого расследования? – спросила я.

Риан назвал подразделение Палаты.

– Я имею в виду конкретного специалиста.

– Имя есть в материалах.

– И независимая проверка?

Молчание.

Я уже знала ответ.

Но хотела, чтобы он прозвучал.

– Нет, – сказал Риан.

Специалист на секунду перестал складывать пластины.

– Почему?

Вопрос предназначался не мне.

Риан посмотрел на разрешение.

– Первичное заключение признало печать подлинной. Были остальные доказательства.

– Кто решил, что повторная экспертиза не нужна?

Еще одна короткая пауза.

– Дейр Вальт.

Имя снова появилось в комнате.

Я не стала делать из этого больше, чем было.

Дейр руководил расследованием.

Решение об объеме экспертиз входило в его работу.

Само по себе оно ничего не доказывало.

Но уже второй раз удобство старой конструкции возникало именно там, где дополнительная проверка могла создать лишний вопрос.

– Его обоснование? – спросила я.

Риан ответил после небольшой паузы:

– Совокупность независимых доказательств делала вероятность подделки незначительной.

Я медленно посмотрела на стопки документов.

– Независимых.

– Ангела.

– Я ничего не сказала.

– Именно.

Я взяла один из старых листов.

– Получается интересно. Печать не стали перепроверять, потому что существовали яд, свидетель, след на украшении и мотив.

– Да.

– А каждый из них выглядел убедительнее потому, что существовала печать.

Риан не ответил.

– Круг замкнулся, – сказала я. – Одно доказательство получило надежность у остальных. Остальные получили надежность у него.

– Это не означает, что они ложные.

– Не означает.

Я положила лист обратно.

– Зато означает, что мы снова должны проверять каждое отдельно.

Специалист кивнул.
– С этим я спорить не стану.
Риан посмотрел на него.
– Продолжайте проверку.
– Для следующего этапа мне потребуется непосредственный контакт с активным слоем.
Я сразу подалась вперед.
– Теперь можно?
– Можно. Но вам лучше не касаться.
– А если я хочу понять, в каком месте ощущаю разницу?
Риан произнес:
– Нет.
Я повернула голову.
– Мы уже обсуждали это слово.
– И вы любите его только когда произносите сами.
– Неправда.
– Правда.
Специалист кашлянул.
– Если леди Ангела хочет участвовать, можно уменьшить подачу эфира.
– Насколько это безопасно? – спросил Риан.
– Достаточно.
– Это не число.
– Магия не любит числа так сильно, как вы, лорд Корвел.
Я едва удержалась от улыбки.
Риан не оценил.
– Уменьшайте.
Я подвинулась ближе.
Специалист положил мою ладонь рядом с разрешением.
– Не на печать. Пока рядом.
Темный камень снова засветился.
По бумаге пробежали тонкие линии.
Я ничего не почувствовала.
– Теперь кончиком пальца.
Я коснулась края печати.
Тепло появилось сразу.
– Есть?
– Да.
– Ведите по внешнему контуру.
Медленно.
Я послушалась.
Ровно.
Ровно.
Еще.
Потом неприятный импульс.
– Здесь.
Специалист отметил место тонкой иглой, не касаясь бумаги.
– Еще.
Я провела дальше.
Вторая неправильность находилась почти напротив первой.
– Здесь тоже.

Он усилил свет совсем немного.
Ощущение стало отчетливее.
Теперь это был не просто жар.
Под кожей словно натянулась тонкая струна.
– Хватит, – сказал Риан.
– Еще секунду.
– Ангела.
– Я почти...
Струна дернулась.
Боль ударила от кончика пальца к запястью.
Я резко вдохнула.
Риан оказался рядом раньше, чем я успела убрать руку.
Его пальцы сомкнулись на моем запястье и отдернули ладонь от бумаги.
На мгновение чужая магия оборвалась.
Осталось только тепло его руки.
Сильной.
Горячей.
Слишком ощутимой.
Я посмотрела вниз.
Потом на него.
– Отпустите.
Он разжал пальцы сразу.
Ни задержки.
Ни попытки объяснить, что действовал ради моего блага.
Просто отступил.
– Повреждение? – спросил он специалиста.
Я потерла запястье.
– Со мной можно разговаривать напрямую.
Риан посмотрел на меня.
– Повреждение?
– Нет, – ответила я раньше мастера. – Просто больно.
Специалист взял мою ладонь, предварительно вопросительно посмотрев на меня.
Я кивнула.
Он осмотрел пальцы.
– Следа нет. Я предупреждал.
– Запомню.
– Это было бы полезно.
– Не увлекайтесь.
Он отпустил руку.
Риан стоял чуть в стороне.
Я посмотрела на него.
На человека, который мог бы сказать: «Я же говорил».
Не сказал.
Мог бы решить, что после моей ошибки дальнейшее участие запрещено.
Не решил.
Он просто дождался, пока специалист подтвердит, что все в порядке.
Неприятное наблюдение.
Потому что именно такая сдержанность была куда убедительнее любых красивых слов.
И, к моему раздражению, привлекательнее.

Я отвернулась к документу.

Лучше печати.

Печати хотя бы не смотрели в ответ.

– Что произошло? – спросила я.

Специалист снова надел очки.

– Вы почувствовали два нарушения.

– Вы их видите?

– Теперь знаю, где искать.

Он долго изучал отмеченные места.

Поменял пластину.

Потом еще одну.

Наконец выпрямился.

– Основные узлы воспроизведены правильно.

– А эти два?

– Один вспомогательный контур смещен. Второй замкнут не так, как на ваших подлинных печатях.

– Это доказывает подделку?

– Нет.

Я уже не расстроилась.

– Но?

– Но если бы меня попросили сегодня подписать заключение о безусловной подлинности этой печати, я бы отказался.

Вот это было больше, чем вчера.

Я посмотрела на Риана.

Он медленно взял разрешение за край.

– Что потребуется, чтобы доказать?

– Сравнение с большим числом подлинных оттисков. Проверка носителя. Остаточная структура. Возможно, данные о способе наложения.

– И если это матрица?

Специалист помолчал.

– Тогда она сделана очень хорошо.

– Насколько сложно?

– Сложно.

– Не ответ, – сказала я.

Он взглянул на меня.

– Потребуются мастер, материалы, время и хороший образец.

Вот теперь стало интереснее.

– Что значит хороший образец?

– Не рисунок печати.

– А?

– Активный отпечаток.

– С документа?

– Да. Желательно достаточно свежий на момент копирования. Чем полнее сохранился эфирный слой, тем точнее можно снять структуру.

– Копия из архива подойдет?

– Обычная бумажная копия нет.

– Оригинал?

– Да.

Я медленно оглядела пять документов на столе.

Все они когда-то были обычными распоряжениями прежней Ангелы.

– То есть человек, который сделал такую матрицу, должен был получить один из ее настоящих документов.

– Или иной активный образец личной печати, – уточнил специалист. – Но документ проще.

Риан больше не смотрел на разрешение.

Он смотрел на старые бумаги.

– Где хранились ее хозяйственные распоряжения? – спросила я.

– В доме.

– Здесь?

– Часть здесь. Часть в Кальдере.

– Кто имел доступ?

Риан не ответил сразу.

Специалист начал спокойно убирать инструменты в футляр.

Мне его тактичность снова понравилась.

– Личный секретарь, – сказал Риан. – Управляющий. Хозяйственная служба в пределах обязанностей. Архивист после передачи документов.

– Много людей.

– Не настолько.

– И кто-то из них мог взять один документ, снять образец и вернуть?

Риан посмотрел на специалиста.

Тот застегнул футляр.

– Если человек знал, что именно ему нужно, да.

В комнате стало очень тихо.

Вчера мы сомневались в печати.

Сегодня независимый мастер подтвердил, что в ней есть реальное структурное отклонение и что создать такую подделку технически возможно.

Это еще не делало прежнюю Ангелу невиновной.

Но впервые старое дело требовало не объяснить ее поведение.

А объяснить чужой доступ.

Я медленно собрала подлинные документы в одну стопку.

– Значит, если печать подделана, нам нужен человек, который мог получить ее образец.

Риан кивнул.

– Да.

– А образец, скорее всего, взяли из документов дома Корвел.

На этот раз он не поправил меня.

Не сказал, что я тороплюсь.

Только посмотрел на закрытый шкаф с архивными бумагами.

– Значит, – произнес Риан, – начинаем с тех, кто имел доступ.

Я провела пальцем по краю спорного разрешения, уже не касаясь печати.

Вчера наш вопрос звучал так:

подделана ли она?

Сегодня появился другой.

Кто-то должен был открыть дверь к чужой печати изнутри.

Глава 7. Кто знал дорогу

Независимый мастер печатей ушел, оставив после себя заключение, два новых вопроса и заметно испорченное настроение Риана.

Последнее я определила не по выражению лица.

Оно почти не изменилось.

Просто после закрывшейся двери Риан собрал пять подлинных документов прежней Ангелы в идеально ровную стопку, положил сверху спорное разрешение и выровнял край большим пальцем.

Потом еще раз.

Я наблюдала молча.

– Скажите, когда закончите пытаться распрямить бумагу силой воли.

Его рука остановилась.

– Она лежит неровно.

– Разумеется.

Риан поднял на меня взгляд.

– У вас есть что-то полезное?

– Есть.

– Удивите.

Я отложила собственный экземпляр заключения мастера.

– Не хочу пока искать человека, который украл образец печати.

– Почему?

– Потому что у нас нет доказательства, что его вообще крали из ваших хозяйственных документов.

– Специалист назвал это наиболее простым способом.

– Наиболее простым не значит единственным.

– Он перечислил варианты.

– Именно.

Я встала и прошлась до окна.

Во дворе сменялась охрана. Четверо мужчин в темной форме заняли места у ворот, еще двое направились к боковому входу.

После вчерашнего нападения количество вооруженных людей вокруг меня почему-то перестало казаться избыточным.

Неприятная перемена.

– Если сейчас броситься проверять всех, кто когда-либо держал в руках документы прежней Ангелы, – продолжила я, – мы предупредим человека внутри дома, если он существует.

– Вы уже решили, что существует.

– Нет.

Я повернулась.

– Я решила, что хочу сначала проверить линию, которая не зависит от печати.

– Какую?

– Нападение.

Риан помолчал.

– Им занимаются.

– Кто?

– Мои люди.

– Только ваши?

– И Палата безопасности.

Я посмотрела на него.

Он сразу понял.

– Нет.

– Я еще ничего не сказала.

– Вы собирались.

– Тогда зачем мешать?

– Потому что Дейр руководил первым расследованием, а теперь Палата участвует в расследовании нападения. Вы решите, что это подозрительно.

– Я решу, что это пересечение.

– Разница?

– Огромная.

Я вернулась к столу.

– Подозрение относится к человеку. Пересечение относится к системе. Пока меня интересует второе.

– Дейр получил дело потому, что нападение связано с осужденной по государственному преступлению.

– Логично.

– Маршрут этапирования тоже проходил через Палату.

Я замерла.

– Повторите.

Риан нахмурился.

– Что именно?

– Последнее.

– Маршрут согласовывался через Палату безопасности.

Я медленно села.

– Вы вчера сказали, что его знало мало людей.

– Так и есть.

– Но не сказали, что Палата участвовала в согласовании.

– Вы не спрашивали.

– Ненавижу этот ответ.

– Почему?

– Потому что он правильный.

Я протянула руку к чистому листу.

– Мне нужен список.

– Нет.

Я даже перо еще не успела взять.

– Вы отвечаете все быстрее.

– Это закрытая информация.

– Информация, благодаря которой меня нашли на дороге.

– Именно поэтому я не собираюсь раздавать ее шире.

– Я уже внутри проблемы.

– Это не дает вам допуска к внутренним маршрутам государственных перевозок.

– Мне не нужны все маршруты. Мне нужны люди, знавшие один конкретный.

– Их имена являются служебными сведениями.

– Риан.

– Нет.

Я откинулась на спинку кресла.

– Хорошо.

Он явно не ожидал.

– Хорошо?

– Да.

Я взяла другой лист.

– Тогда начнем без имен.

– С чего?

– С количества.

– Ангела.

– Имена закрыты. Количество тоже?

Он молчал.

– Я не прошу объяснять, как перевозят государственных преступников. Хотя должна признать, профессиональный интерес появился.

– Не советую.

– Вот и договорились. Сколько людей знали, по какой дороге пойдет мой конвой?

Риан некоторое время смотрел на меня.

– Точный маршрут целиком?

– Да.

– Семь.

Меньше, чем я ожидала.

Я записала цифру.

– Из них ваши люди?

– Двое.

– Палата?

– Двое.

– Остальные?

– Один представитель Верховной палаты. Начальник конвоя. Чиновник, отвечавший за распоряжение об этапировании.

– Этот чиновник относится к какой структуре?

– К ведомству исполнения решений Верховной палаты.

Я нарисовала семь коротких черт.

– Кто составлял маршрут?

– Начальник конвоя предложил основной вариант. Палата провела проверку безопасности. После этого маршрут утвердили.

– Кто именно в Палате?

– Этого я вам не скажу.

– Потому что закрыто?

– Потому что сначала сам проверю.

Я подняла взгляд.

Это было новым.

Не «вам не положено».

Не «не ваше дело».

Он собирался проверить.

– Хорошо.

Риан слегка прищурился.

– Вы второй раз за десять минут согласились со мной.

– Не привыкайте.

Я снова посмотрела на лист.

– Семь человек знали весь маршрут. Кто-то еще мог знать часть?

– Разумеется.

– Например?

– Караульные знали пункт отправления. Посты на дороге могли получить уведомление о прохождении конвоя. Менялась охрана. Люди готовили лошадей.

– Но точное место нападения?

– Это другое.

– Почему?

Риан подошел к карте на стене.

До этого я почти не обращала на нее внимания.

Он снял с полки тонкую указку и коснулся дороги, уходившей от Астерна на запад.

– Конвой должен был идти основной трактовой дорогой до этого места.

Указка двинулась дальше.

– Затем свернуть на старую северо-западную дорогу.

– Почему?

– На основном тракте больше поселений и движение плотнее.

– Разве это не безопаснее?

– От случайного нападения – да. От попытки освободить заключенного – нет.

– То есть маршрут специально увели туда, где меньше свидетелей.

– Где легче контролировать подходы.

– Получилось убедительно.

Риан посмотрел на меня.

– Это стандартная мера.

– Я не критикую решение. Я пытаюсь понять, что знал нападавший.

Он указал место на карте.

– Засада была здесь.

Я подошла ближе.

Дорога проходила между лесом и небольшим каменистым склоном.

– Сколько времени от поворота?

– Около часа.

– То есть ждать нас на основной дороге было бессмысленно. Они должны были знать, что мы свернем.

– Да.

– А после сворота других дорог нет?

– Есть две лесные, но тяжелая карета там не пройдет.

Я посмотрела на карту.

Значит, убийцы знали не просто направление.

Они знали достаточно, чтобы выбрать конкретное место.

– Когда маршрут утвердили?

– Накануне отправления.

– Сколько часов до нападения?

– Около восемнадцати.

– Очень короткое окно.

– Да.

– Нападающие успели:

собрать людей, прибыть на место, подготовить засаду и точно знать, в какой карете еду я.

Риан не ответил.

Я постучала ногтем по цифре семь.

– Это не случайно услышанный разговор в коридоре.

– Не обязательно.

– Объясните.

– Человек мог получить сообщение от одного из тех, кто слышал часть маршрута.
– Тогда ему пришлось бы собрать части.
– Да.
– Возможно?
– Возможно.
Я не стала спорить.
Он лучше знал собственную систему.
– Кто знал, в какой карете буду находиться именно я?
– Начальник конвоя.
– Только?
– Люди, готовившие отправление, видели посадку.
– Но убийцы могли наблюдать у ворот.
– Могли.
– Были замечены?
– Пока нет.
Я записала еще одну строку.
– Что нападавшие знали о времени?
– Судя по выбранной позиции, достаточно точно.
– Конвой опоздал?
– На двадцать минут.
– Они все равно ждали.
– Да.
– Значит, либо получили примерное окно, либо следили после выезда.
– Именно.
Я посмотрела на него.
– Вы это уже проверяете.
– С момента нападения.
– И?
– Пока ничего.
Мне понравился ответ гораздо больше, чем хотелось.
Не потому, что «ничего» было хорошей новостью.
Потому что он не пытался представить незавершенную работу как уверенный результат.
– Кто допрашивает выживших?
– Мои люди отдельно. Палата отдельно.
– Почему дважды?
– Я распорядился.
– До разговора со мной?
– Сразу после нападения.
Я замолчала.
Это было важно.
Риан не начал сомневаться в системе только потому, что я задала красивые вопросы.
Он сам не доверил пленных одному источнику.
– Почему?
– Потому что утечка могла быть где угодно.
– В том числе у вас?
– В том числе.
Вот это стоило запомнить.
– И в Палате?
– В том числе.

Я медленно опустила перо.

– Тогда мы согласны больше, чем мне казалось.

– Не делайте поспешных выводов.

– Хороший совет.

Он вернул указку на место.

– Что именно вы хотите найти в списке семи?

– Пока ничего.

– Тогда зачем он вам?

– Хочу сравнить его с первым делом.

Риан замер.

– В каком смысле?

– Кто имел доступ к доказательствам тогда и маршруту сейчас.

– Вы все-таки пытаетесь выйти на Дейра.

– Нет.

– Его имя входит в первую систему.

– И может входить во вторую. Но если войдет, это еще ничего не докажет.

– Вы сами в это верите?

– Да.

Я повернула лист к нему.

– Посмотрите. Дейр руководил первым расследованием. Его подразделение участвует в проверке безопасности маршрута. Если выяснится, что он лично видел маршрут, это будет пересечение.

– И?

– И мы запишем пересечение.

– Все?

– Пока все.

Он явно не был удовлетворен.

– Если бы я хотела обвинить его, уже могла бы придумать красивую историю, – продолжила я. – Следователь подставляет женщину, потом организует ее убийство, чтобы скрыть следы. Просто, понятно, почти убедительно.

– И неправильно?

– Не знаю.

Я пожала плечами.

– Именно поэтому не собираюсь в это влюбляться.

– Во что?

– В версию.

Риан посмотрел на меня так, будто формулировка ему не понравилась.

– Когда версия нравится слишком сильно, начинаешь защищать ее от фактов.

– Вы считаете, именно это произошло в первом расследовании?

Ирония исчезла.

– Пока я считаю, что могло произойти.

Он отвел взгляд первым.

Не пораженно.

Не виновато.

Просто подошел к окну.

Несколько секунд мы молчали.

Я понимала, куда снова пришел разговор.

К женщине, которую он осудил.

К сестре, которую едва не потерял.

К решению, которое до недавнего времени считал закрытым.

– Расскажите мне об Элире.

Риан повернулся.

– Зачем?

– Потому что в деле она пока существует только как жертва.

– Она и была жертвой.

– Я не спорю.

– Тогда?

Я собрала листы.

– Хочу понимать человека, вокруг которого строился мотив прежней Ангелы.

– Вы уже знаете достаточно.

– Я знаю, что Элира ваша сестра, ей дали пепельную соль, она чуть не умерла и собиралась выйти замуж.

– Этого мало?

– Для сочувствия достаточно. Для расследования нет.

Риан вернулся к столу.

– Что вас интересует?

– Какими были их отношения до ссоры?

– Нормальными.

– Очень полезное слово.

– Они не были близки.

– Почему?

Он чуть пожал плечом.

– Разные характеры.

– Это объясняет почти все человеческие отношения и ни одного конкретного.

– Вы хотите знать, ненавидела ли Ангела мою сестру?

– Нет.

– Тогда что?

– Могла ли Элира заметить что-то, чего не сказала следствию. Могла ли прежняя Ангела говорить с ней о вещах, которые тогда показались неважными. Почему их ссора вообще случилась.

Риан некоторое время молчал.

– Элира лучше чувствовала себя при дворе.

– Чем прежняя Ангела?

– Да.

– Это создавало конфликт?

– Иногда.

– Какой?

– Элира считала, что Ангела слишком зависит от мнения Лессаров. Ангела считала Элиру слишком самоуверенной.

Я почти усмехнулась.

– Семейное сходство.

Риан посмотрел холодно.

– Не отвлекайтесь.

– Даже не думала.

– Они спорили из-за приемов, приглашений, распределения обязанностей. Ничего серьезного.

– До помолвки?

– До ее официального объявления.

– И тогда стало серьезно.
– Да.
– Элира хотела этот брак?
Вопрос заставил его ответить не сразу.
– Да.
– Политический союз, который она сама хотела?
– Она и Леон знали друг друга несколько лет. Решение устраивало обоих.
Это было важно.
Никакой несчастной сестры, которую ведут к алтарю против воли.
– Прежняя Ангела возражала против Леона?
– Именно это мы тогда предполагали.
– А что она говорила сама?
Риан сжал пальцы на спинке кресла.
– Что проблема не в нем.
Я перестала писать.
– Что еще?
– Что объявление нужно отложить.
– Почему?
– Не объяснила.
– Совсем?
– Говорила о счетах.
У меня внутри что-то... Нет. Стоп. We need avoid cliché. Continue directly.
Перо остановилось над бумагой.
– Каких счетах?
– Тогда я решил, что речь о финансовых условиях брачного договора.
– Почему?
– Потому что обсуждались расходы, имущество, торговые обязательства двух домов.
– А она сказала, что речь именно о договоре?
– Не помню.
– Это не то же самое.
– Я знаю.
В его голосе впервые за разговор появилась усталость.
Не физическая.
Другая.
– Вы разговаривали с ней после ссоры?
– Да.
– Она пыталась объяснить?
– Пыталась.
– И?
Риан посмотрел прямо на меня.
– Я считал, что она вмешивается в дело, которого не понимает.
Я не стала отвечать сразу.
Можно было сказать многое.
Большая часть была бы слишком легкой.

Сейчас передо мной находился человек, который уже начал видеть собственное прошлое иначе. Не нужно было помогать ему ударом по голове.

– Что именно она сказала про счета?
– Не помню дословно.
– Смысл?

– Что некоторые расходы не сходятся. Что один посредник появляется там, где его не должно быть.

Я очень медленно положила перо.

– Это было до покушения?

– За несколько дней.

– Следствию сообщили?

– Да.

– И что решили?

– Что она пыталась создать объяснение своему конфликту с Элирой после того, как поняла, насколько плохо выглядела их ссора.

– Она говорила об этом до покушения.

– Я знаю.

Теперь без иронии.

Без спора.

Он действительно знал.

Просто раньше этот факт помещался в другую картину.

– Кто проверял те счета?

– Дейр запросил часть материалов.

– Результат?

– Существенных нарушений не нашли.

– Часть материалов?

– Насколько я помню.

Я посмотрела на него.

– Нам понадобятся все.

– Если сохранились.

– Почему могли не сохраниться?

– Обычные хозяйственные документы имеют срок хранения. Часть могла быть передана в Кальдер, часть уничтожена после закрытия периода.

– Когда был суд?

Он назвал дату по местному календарю.

Я пока плохо ориентировалась, но поняла главное.

Прошло не так много времени.

– Тогда шансы есть.

– Есть.

Я снова записала:

«счета до покушения».

Пока никакой «улики».

Только еще один вопрос.

Но впервые прежняя Ангела начала существовать для меня не как женщина, которая оправдывалась после обвинения.

Она что-то заметила до него.

Это могло оказаться пустяком.

Могло быть попыткой вмешаться в помолвку по причинам, которых я не понимала.

Но проверить следовало.

– Элира сможет поговорить со мной?

Риан стал совершенно неподвижным.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не собираюсь приводить вас к ней сейчас.

– Я спросила не это.

– Ответ тот же.

– Она боится меня?

– После того, как едва не умерла и увидела доказательства вашей причастности?

Я выдержала его взгляд.

– Да. Вероятно.

– Тогда не давите.

– Я и не собираюсь.

– Вы только что спросили о встрече.

– Позже. Когда для нее это будет приемлемо.

Риан не ожидал.

Я увидела это по короткой паузе.

– Вы не будете настаивать?

– Если женщина пережила отравление и считает это тело частью причины, мое желание задать вопросы не важнее ее права не видеть меня.

Он медленно опустил руку со спинки кресла.

– Хорошо.

– Когда она будет готова, мне нужен разговор.

– Я спрошу.

Не «решу».

Спрошу.

Мелочь.

Но я услышала.

– Насколько тяжело она до сих пор восстанавливается?

– Физически почти восстановилась.

– Почти?

– Магия слабее, чем была. Долгое превращение пока нежелательно.

– Боль?

– Иногда.

Риан говорил коротко, но теперь я слышала за словами то, чего не было в протоколах.

Не «поражение ядра пламени».

Сестра, которая месяц не могла встать без помощи.

Сестра, которой неизвестный человек едва не отнял способность быть собой в полной мере.

Я представила, как Риан видел ее в первые часы после приема.

И как спустя несколько часов ему принесли коробку с ядом из комнат жены.

Потом документ с ее печатью.

Потом свидетеля.

Потом след на браслете.

Я все еще считала, что он ошибся.

Но теперь ошибка выглядела не как холодное решение над бумагами.

Она происходила рядом с постелью человека, которого он боялся потерять.

Это не оправдывало.

Зато объясняло цену.

– Вы думали, она умрет? – спросила я.

– Да.

Одно слово.

Я кивнула.

Больше не спрашивала.

Несколько секунд слышно было только движение во дворе за окном.

Потом я вернулась к листу.

– Маршрут.

Риан будто тоже был благодарен за смену темы.

– Что с ним?

– Мне нужно понять, через кого он проходил в Палате.

– Я проверю.

– И сообщите мне результат.

– Если он относится к расследованию.

Я подняла брови.

– У нас есть договор.

– Помню.

– Там очень хороший пункт про сведения, связанные с угрозой.

– Я сам его писал.

– После того как я продиктовала.

– Не начинайте.

Я почти улыбнулась.

– Хорошо.

Он собрал бумаги.

Я посмотрела на стопку материалов старого дела.

На протокол Марты.

На заключение по печати.

На разрешение.

И внезапно поняла, чего нам не хватало.

Самого скучного документа.

Поэтому, скорее всего, самого полезного.

– Подождите.

Риан остановился.

– Что еще?

– Пепельная соль.

– Что с ней?

– Ее нашли у прежней Ангелы. Есть поддельное или сомнительное разрешение на получение компонента.

– Да.

– Но сам компонент откуда-то физически выдали.

– Разумеется.

– Значит, где-то должна существовать запись не о разрешении, а о движении товара.

Риан посмотрел на меня.

– Складской реестр.

– Вот.

– Его проверяли.

– Кто?

Пауза.

– Палата.

Я протянула ладонь.

– Мне нужен оригинал.

– Вы уже решили, что там ошибка?

– Нет.

Я посмотрела на закрытый короб с шестью доказательствами.

– Я хочу проверить вещь, которой, скорее всего, никто не пытался придать драматический смысл.

– Складской журнал.

– Самый скучный документ во всем деле.

Риан взял камень связи со стола.

– И что именно вы собираетесь там искать?

Я пожала плечами.

– Время.

– Какое?

– Когда яд на бумаге перестал быть разрешением и стал настоящим веществом, которое кто-то вынес со склада.

Он активировал камень.

По темной поверхности пробежал синий свет.

– Подготовить оригинальный журнал выдачи контролируемых реагентов по делу Ангелы Лессар, – сказал Риан. – И не копию.

Свет погас.

Я посмотрела на него.

– Быстро учитесь.

– Просто хочу закончить этот разговор.

– Конечно.

Но он уже смотрел не на меня.

На сомнительное разрешение.

И мне почему-то казалось, что закончить этот разговор у нас не получится еще очень долго.

Глава 8. Время не сходится

Складской журнал оказался тяжелее, чем некоторые люди.

В прямом смысле.

Двое служащих внесли его в кабинет на специальной деревянной подставке и опустили передо мной с осторожностью, которую обычно проявляют либо к очень дорогим вещам, либо к вещам, способным отдавить ногу.

Книга была толщиной почти с мою ладонь.

Темная кожа на переплете стерлась по углам. На корешке стояло несколько обозначений, из которых я поняла только год.

По крайней мере, решила, что поняла.

После последних дней подобная уверенность требовала осторожности.

– Оригинал? – спросила я.

– Как вы просили.

Риан стоял у окна.

Сегодня без официального камзола, в темной рубашке с закатанными до предплечий рукавами.

Я заметила это раньше, чем следовало.

И сразу вернулась взглядом к журналу.

Работа.

Очень полезное изобретение.

– Кто его принес?

– Из столичного склада Корвелов.

– Того, откуда выдали компонент?

– Да.

Я посмотрела на двух служащих.

Один был совсем молод. Второму перевалило лет за пятьдесят. На поясе у него висела связка маленьких металлических пластин с выгравированными обозначениями.

– Вы работаете с этими реестрами? – спросила я старшего.

– Тридцать два года, леди Ангела.

– Останьтесь.

Он покосился на Риана.

Не на меня.

Риан заметил.

– Останьтесь, – повторил он.

Молодой служащий вышел.

Старший остался у двери.

Я открыла журнал.

Запах старой бумаги, пыли и какого-то защитного состава ударил в нос.

Строки были ровные.

Очень много строк.

Я почувствовала почти родственное расположение.

Человечество могло менять миры, магию и продолжительность жизни драконов, но желание записывать перемещение дорогих вещей в таблицу оказалось универсальным.

– Что именно ищем? – спросил Риан.

– Сначала хочу понять, как это устроено.

– В материалах дела есть выписка.

– Поэтому и хочу оригинал.

Он сел напротив.

Старший хранитель реестров приблизился.

– Где период покушения?

Мужчина быстро нашел нужную часть книги.

Вот еще одна полезная черта людей, которые годами работают с документами.

Для остальных это тонна бумаги.

Для них карта.

Он положил закладку.

– Здесь.

Я наклонилась.

В левой колонке стояли обозначения партии.

Потом название вещества.

Количество.

Основание выдачи.

Получатель.

И несколько столбцов, которые я пока не понимала.

– Где компонент пепельной соли?

Хранитель провел пальцем вниз.

– Саму пепельную соль мы не храним.

– Я знаю. Один из компонентов.

Он нашел запись.

Название мне ничего не сказало.

Зато рядом стоял знак Кальдера.

– Этот?

– Да.

Риан подтвердил:

– Руда с северных разработок. После обработки используется для нескольких видов реагентов.

– И для пепельной соли.

– Да.

Я прочитала строку.

Количество.

Номер партии.

Разрешение.

Рядом с разрешением стояло обозначение личной печати Ангелы Лессар.

Все выглядело именно так, как обещало следствие.

Я достала копию спорного документа.

Сравнила номер.

Совпадал.

– Вот, – сказал Риан.

– Вижу.

– Реестр подтверждает выдачу.

– Реестр подтверждает, что здесь записана выдача.

Он посмотрел на меня.

Я вздохнула.

– Да, я понимаю, что раздражаю.

– Это уже прогресс.

– Не увлекайтесь.

Я снова склонилась к журналу.

У строки было два временных обозначения.
Первое я прочла достаточно легко.
Второе выглядело как двойная цифра с небольшой чертой сверху.
– Это дата?
– Да, – сказал хранитель.
Я провела пальцем рядом, не касаясь чернил.
– Второй месяц, восьмой день?
Хранитель посмотрел на меня странно.
– Нет, леди.
Я остановилась.
– Нет?
– Второй круг месяца. Восьмой день.
Я посмотрела на запись.
Потом на него.
– Объясните.
– У складских книг сокращенная запись. Месяц указывается на начале раздела

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.